

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

НА ЛЫЖНУЮ СТАНЦИЮ.
→ →

1924
№
19/20

КОМСОМОЛЬСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ГЕОРГИЙ — ШУБИН

И. МАШБИЦ-ВЕРОВ, СНИМОК М. БРЯНЦЕВА

ГЕОРГИЙ ШУБИН — молодой писатель — комсомолец. Ему 19 лет. Жизнь его похожа на жизнь тысяч и десятков тысяч других комсомольцев. Полурабочий, полукрестьянин — он до 10 лет жил в деревне, где кончил сельскую школу. После — завод, станок. А с 15 лет — Комсомол, фронт, парторгата.

ПИШЕТ Шубин о том, что видел, знает, глубоко пережил. Темы его творчества — деревня, завод, Комсомол.

Конечно, деревню и завод можно рисовать по разному. Можно из жизни нашей огромной родины ухватить лишь один темные стороны. Можно не замечать, или не хотеть замечать, нового, здорового, созидательного, как это и делают некоторые писатели...

Шубин не таков: он правдив. Рисует, без прикрас и искренне, темную, невежественную, дикую русскую деревню, он, однако, не забывает и нового, светлого в ней. Он не спит на это здоровое — новое.

В ДЕРЕВНЕ, которую рисует Шубин, на первом плане — напряженная борьба между грубо-невежественными отцами и новыми, нарождающимися поколениями, которая сейчас ведется во всех деревнях и селениях СССР. В этой деревне грубые отцы жестоко избивают своих детей, выгоняют их из дома за то, что они

комсомольцы. Гнев и боль охватывают этих отцов при мысли, что их дети идут за-одно с большевиками.

В рассказе „Молодняк“ следующим образом представлены переживания мужика Терентия, узнавшего, что его сын, Пашка, ушел с красными: „Мужик сгорбился, точно из спицы выдернули хребет. Казалось, — у Терентия брызнет кровь через кожу на побуревшей шее“. Терентий в гнев избивает мать, маленького сынишку и т. д. и т. п.

Конечно, у этих отцов также и соответствующие — дикие, неверные взгляды на советскую власть. Тот же мужик, Терентий, следующими словами об'ясняет другому мужику существо советской власти и почему мужику не годится идти к коммунистам: „И вот — бота не боится — у пролетария машина и бунтует. А полями бог правит. Сташь за коммуников — бог те и напустит засуху!...“

ОДНАКО, за темнотой и дикостью деревни Шубин не забывает и ее светлых, новых, созидательных начал. Об этом новом Шубин может рассказать много интересного, ибо он сам это новое пережил, сам его строил.

И вот — на фоне деревенской и провинциальной темноты — писатель выводит новое: рядом с грубыми отцами-собственниками — в деревне растет Комсомол; рядом с молодежью, не желающей измениться, учиться, видеть новое — растет молодежь вся, целиком и беззаветно отдавшаяся революции. Рассказы Шубина („Разведчик“, „Молодняк“, „Огрезанный комсомолец“, „Катя“ и др.) и выводят целую галерею этого нового поколения, воспитанного Октябрем.

В ОБРИСОВКЕ своего родного и любимого — Комсомола Шубин, как и везде, остается искренним и правдивым. Комсомол он дает живым, таким, какой он есть в действительности — со всеми его недостатками, сомнениями, борьбой со старыми пережитками в самом себе...

И эта жизненная правдивость делает произведение Шубина особенно привлекательным. Читатель видит перед собой не вымышленные досужей фантазией фигуры, а живых, борющихся и стра-

дающих подростков, — и он с ними вместе все переживает... Как пример, приведу одну сценку (из рассказа „Разведчик“): Шубин рисует подростка-комсомольца добровольного разведчика. Мальчик вызвался доставить сведения о расположении белых частей и направляется в ближайшую деревню.

Уже долгие часы тянется одинокая дорога. Приближается ночь... Воют волки... Голодно... Мальчик один, затерянный среди леса... И вдруг его охватывает дикий страх. Не хочется идти к белым — его там расстреляют. Не хочется умирать... Но и возвратиться без сведений он не может: стыдно товарищей.

И вот — мальчик, почти ребенок, идет и плачет. Одиноким, измученным, затерянным он идет на смерть и ревет скляндиям, звериним воем...

Конечно, в этой сценке комсомолец представлен небольшим героем. Но эта совершенно удивительная по глубине и правдивости сценка — неотразимо влияет на читателя. Она не забывается. Не давая театрального, показного героизма, не давая необычайного подвига — она дает живого — из плоти и крови — человека.

ЧТОБЫ стать большим художником, необходимо много работать над самим собой, необходимо большое образование. Шубину же только 19 лет и он еще очень мало учился. Поэтому мы встречаем у Шубина ряд недостатков. Так, например, Шубин часто и подробно останавливается на отдельных, побочных сценах и от этого вещь теряет в своей стремительности и цельности. Он также говорит в одном и том же рассказе, иногда на одной и той же странице разными языками: то языком бесстрастного наблюдателя, то радостным, наивным языком ребенка, то стилизованным (изоприним) языком народной сказки-песни: от этого у читателя создается смешанное, неясное, хаотическое впечатление. Есть и другие недостатки, но они все поправимы.

Нужна учеба. Нужна упорная и постоянная работа над художественным материалом, над словом, над образной образностью в нем. И тогда Шубин сможет выйти на широкую дорогу, тогда он сможет стать большим, значительным художником.

редакция и конторка:

Москва, Новая Платонь, д. 6-4

Тел. 1-89-13 и 1-81-01.

Рисунки принимаются написанием на машинке или четкой рукой на одной стороне листа.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
РОССИЙСКОГО ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ.
И.з. «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»ПОДПИСКА ПЛАТА
на 1924 год.

На 1 год — 24 ном. 5 руб. 00 коп.
6 мес. — 16 ном. 4 — 30 "
3 мес. — 8 ном. 2 — 75 "
3 — 6 1 — 55 "
1 — 2 60 "

№ 19—20

31 ДЕКАБРЯ

1924 г.

ПЕРЕПИСКА РАБФАКОВЦА РУДАКОВА

ПИСЬМО ВТОРОЕ, В КОТОРОМ тов. РУДАКОВ ПИШЕТ О ПОЛИТНЕГРАМОТНОСТИ В СОЮЗЕ И О ТОМ, ЧТО РЕБЯТА НЕ СЛЕДЯТ ЗА СВОИМ «КОТЕЛКОМ»

Рисунок В. СУТЕВА

В «ленинские дни», в дни траурной годовщины смерти Ильича — долг каждого ленинца проверить, насколько серьезно и крепко каждый комсомолец, каждая ячейка каждая организация, «брави за глотку!» политнеграмотность.

Конечно, ликвидировать политнеграмотность — еще не значит усвоить полностью учение Ленина. Можно несколько лет подряд изучать ленинизм и все же не исчерпать его до дна. Сам Ленин учился десятки лет. Когда он был в эмиграции, в Париже, он днями приходил в библиотеку, где читал, читал и читал.

Что такое ленинизм? Это учение Маркса, которое дополнил, обогатил Ленин. Значит, чтобы знать Ленина, надо знать Маркса.

Вот что говорил тов. Бухарин на шестом съезде Комсомола:

«Мы не сможем быть хорошими ленинцами, мы не сможем вести научной, марксистской и ленинской политики, если будем проходить мимо марксизма во вредном заблуждении, будто бы ленинизм может быть понят без марксизма»...

Получается большая и сложная цепь той науки, которая учит рабочий класс побеждать и которая называется ленинизмом. Крепко держась за эту цепь, скорее придем к победе. Меньше делаем ошибок (а значит и меньше жертв на пути к победе). Легче, успешней, верней начнем строить новое.

Цепь то большая, что и говорить! Но в этой цепи есть начальное звено, за которое следует ухватиться, — это минимум политграмоты, это ликвидация основной политнеграмотности.

Ленин учил именно таким образом и действовать: уметь ухватиться за первое звено в цепи, потом подтянуться к следующим. Это одна из основ ленинской тактики.

Вот почему Зиновьев так резко ставит вопрос: «За глотку политнеграмотности?»

Все эти 70 процентов политнеграмотных тут-то чувствуют, что такое Ленинский Комсомол.

Но если этот «нутряной» комсомолец пробил несколько месяцев в союзе и занимается в объяснении того, что такое «коммунист», — то надо прямо сказать,

что он плохой комсомолец. И нутро то его маленько того... испорчено. (Конечно, если нет руководящих, нет книжек, или другие такие серьезные препятствия, то выявить нельзя. Это само собою).

Каждый комсомолец, во отношении к своему товарищу, именно так и должен ставить вопрос: насколько крепко ты ухватил первое начальное звено в цепи, которое называется учением Ленина.

В заключение еще хочу сказать пару слов в ответ на письмо Васки. Он пишет мне:

«Взялся я сразу за многое. Стад называть Коваленко, и Бухарина, и еще, и еще. А сейчас башка гремит — совсем перестал читать. Видно, неутевая организация в моей башке».

Вася! Вася! Башка то у тебя путевая, но дураку досталась.

Почему так? А вот почему. Читайтешь книгу, Отмахал десяток-другой страниц, — голова, чувствуешь, называется, тяжедей становится, — а ты продолжаешь читать. «До победного конца». Но концы то получается совсем не «победный».

С большой, утомленной головой работать, это все равно, что усердно топить пустой котел. Все мы знаем, что получается с таким котлом: быстро пополаются все дымогарные трубы.

А между тем, твой «котелок» не менее сложный механизм. Какой из тебя механик, если не следишь за своей машиной? Никудашный из тебя «политграмотей», если не следишь за своим «котелком». Постепенно приучай его к большой работе — помни, что от перенапряжения ухудшается память. А с плохой памятью нашему брату — все равно, что ехать в телеге с тремя колесами.

Коммунистически приветствую
Маша Рудак
19 5 24.

Маша
Новая платонь д. 6-4
Письмо от Рудак
с перепиской М. Рудак
от В. Каваленко и Бухарина

Здорово ребята!

ПРИСУТСТВОВАЛ вчера на собрании одной комсомольской ячейки.

После собрания, когда все стали расходиться, застряли двое ребят. Подошла послушать, о чем спорят.

— Ты, — говорит один другому, — если уж хвастаешься, что, дескать, понимаешь, скажи мне, что означает слово большевик?

— Большевик? — То же, что и коммунист.

— Ну, а что означает слово коммунист?

— Ну, а это — который большевик...

Так спорили. Оба — комсомольцы Ленинского набора. Ребята заводские. Когда я с ними разговорился на всевозможные темы, касающиеся заводских дел, — про клуб, про ребят из бюро, — у них потекли слова, объяснения, шуточки...

Но как только слова перевел спор на политическую тему, так... тпру!

Будто не те ребята. Косноязычны, заикаются, одним словом, то, что называется — не в своей тарелке.

А, ведь, скоро будет год, как всех этих ребят призвала в союз смерть вождя. И сколько таких, которые не знают, как боролась и борется партия Ленина. Что такое Комсомол, что значит быть ленинцем?...

Тов. Зиновьев говорил на шестом съезде Комсомола:

«70 — 75% политнеграмотных в союзе, — это угрожающая цифра. Возьмите эту политнеграмотность за глотку! Нам не нужно словесной шелухи, а нужно чтоб эти 70 — 75% стали действительно большевиками»...

— Спасибо за ласку. Я не насилю. Молиться—может, сбьорится, выручит!..

ИЗ КОМСОМОЛЬСКОГО ДНЕВНИКА

Г. ШУБИН, иллюстрации М. ЯГУЖИНСКОГО

зевке, — родители мои с богом пошашали, да это мелочь...

А вот этому не поверю!..

Глебо засылывался мелким залившимся смехом, сузив свои черные глаза в узкие, озорные щелочки.

— Никто не верит,— но факт!

— Ты об этом расскажешь...

Было светло, как в полдень. На полуночном небе — ни звезд, ни месяца. Только щекошущий морской холодок и голубой, похожий на пролитое молоко, туман, в котором плавал остров, показывал, что люди спят. Из-за штабеля, сверкающих свежей росой, завод доносил прозвительные визги пил.

Глебо начал рассказывать, шевеля и играя всем, крепко сбитым, бойким лицом.

— Если ты пробыв в Комсомоле год, а родители твои все еще крестятся, то принято считать, что ты аховый комсомолец. А хорошо считается аховым? Не хорошо, почувствовал на своей шкуре.

У нас одно время ребята, один перед другим, занимались с родителями религиозными убеждениями. В итоге Ленька остался на булды. Раз слышлись с ним и стали обсуждать создавшуюся метаморфозу.

— Леонид,— говорю,— как мне стыдно, все равно, что фашиста но мне обнимал. Придет, говорю,— кто-нибудь в гости, раз даже предзавкома—Прохоров Иван Петрович посетил,— а в углу икон. Ну, спокойнй ли мое сердце?

— А мое-то,— топирит Ленька ребра от вздоха,— лишился я своей репутации...

Глядя на него, мне даже легче стало.

— Как же быть?

— Накуплю,— отвечает,— книг и начну систематические беседы, начиная с первоначальной живой клетки и подхода к Дарвину.

— Ты в этом дошли,— говорю,— а мне как?

А Ленька уже приободрился, нос козырьком задрал, словно его в этот момент членом Коминтера сделали.

— Изыскный пути,— отвечает сурово,— но только предупредяло, если через месяц не произойдет желательных перемен,— припаяю! Не могу,— говорю,— в своей да чейке такого сраму терпеть.

Снял я перед ним свою кепочку.

— Спасибо,— говорю,— вашими бы устами, да самогонку ллать...

Визу— пещий козному не товариш. Пришел это домой, для бодрости чувства, посмотрел на стенку на портрет Ильича и ободренный, стал обдумывать положение. Вся моя загвоздка состояла в том, что мой батько не терпелся жениться и женился на вдове. В результате, когда я был сфабрикован, оба имели стаж жизни в срок три года, а посеячас— и все шестьдесят. Батя уже съезил в Ковду и откупил там место на кладбище, неподалеку от церкви, для себя и для мамиши. Оба были поматы жизнью порядком, как банки, не жили, а доживали, дряхлые головы не вбирала никаких новых политико-просветительных идей. Катились мы старички к концу с теми привычками и навыками, какие усвоили в молодые времена. У других же родители, как на зло, более юные, чем и объяснятся их успех. Но нет же, думаю, не отступлюсь, чтобы меня черти в стакане воды утопили, а докажу, какой я есть стопроцентный комсомолец.

Ладно! По лету поехали мы с татуном на материк для охоты. Подстрелили селезня—здоровак такой, сероперый... Булькнулся в воду. А ботик не так, чтобы далеко, сажан за десяток стоял.

— Глеба,— говорит татун,— что там волкиту разволдит, доплыви.

— А ты что, папаша, не в силах?..

Залез мой медведь в бутылку.

— Ты сморчек— да я те по плаванию сто очков задам. Слабо ваше молодое племя перед стариками бахвалится, ты еще в жизни не хлебнул в горькую чашу.

Коль скоро он в бутылке, то мне оставалось только такую закуорить.

— Сомнительно,— говорю,— что-то папаша...

Тут татун разлагивает своего рижперую бороду, раздвигает, крестится и от теории переходит к практике. А селезень еще жив, бахвалится, булькается. Перекуюл ему татка горло, взял в зубы и наяривает назал.

— Глеб,— кричит,— гони лудку.

— Погоди,— отвечаю,— дай папироску докурить.

Приглядываюсь, присматриваюсь и делаю вывод. Дурак,— объявляю себе выговор,— и дурак булеш редкий, как меньшевик в советах, если такой да момент пророничишь. Подожку к лодке, гребу с прохладцей.

— Отсохли у тебя руки-то,— татка кричит.

Визу: и селезня отпустил.

— Папаша,— говорю,— спасу, откажись от бга.

— Подлещ!..

— Спасибо за ласку. Я не насилю Молиться—может, сбьорится, выручит.

Визую вокруг сажаных в пята, а он топирится. Опосля признавался: чем больше молось, тем больше руки ба-стуют.

— Что же, папаша, согласны на мою программу?

КОГДА МЫ ДОСЫТА набалакалися, Глебо сказал:

— Так, так. А мы планокали, что ты уж пропал:

— Чуть порешь, отец Макарий...

— От-те Ммакарий,— заел Глебо,— ехал на кобыле карей, упал в грязь харей,— омерзительно...

И со свистом выдернул ласку.

Мы удили треску с баржи лесопильного завода, на одном из островов. Это было на Белом море, неподалеку от местечка Ковды. Остров был таких размеров, что даже рабфакосен с телескопом в руках не сумел бы его отыскать на самой большой географической карте.

Стояла весна, пора лучшего клева, когда все население завода превращалось в рыболовов. Ячейка была, но хромала на все драм- и полит-кружки. Зима, дряхлая беломорскому уди несколько сухих часов, подавала в отставку, и молодое солнышко неумоимо агитировало с высокой и голубой трибуны неисчислимыми лучами. Кончиа работу, ребята брали гармошки, балаляку и раз'езжались на шлопках и ботиках гулять по зеленому морю. Даже секретарь Ленька Мехалюков усердно охотился за гавками и утками, которые налетели с Мурманской стороны.

Глебо зевнул. Начинило румяниться утرو.

— Ты, наверно, не поверишь,— сказал он,— дружка твоего, Игашку с лесокатки, задавило бревном...

— Этому поверить можно.

— Что же еще?—продолжал Глебо, раскрывая рот до ушей в нетерпимом

— Согласен бы,—говорит,—да боюсь: утопит (это он боялся, что бог рассердится, да его и утопит).

— Воля ваша.

Собрал татуи последние крохи—плывет. Вижу—в мыльные пузыри играет. Утонет,—думаю, чего доброго. Подъехал, встал в ботик и говорю:

— Ну, как твоё самочувствие?..

— Дрожит старик, водой стекает. Развернулся и очень успешно произвел мне денежную реформу. Таковой Сокольников еще не проповедал, а у меня из глаз золотые червонцы брызнули.

— Стерпеть,—хрипит,—расстроил меня, как балалайка?..

— Погоди,—вскричала я Глебку.

Пробка удочки ушла под воду, я рынду и толстое удилие затрещало и изогнулось. Охваченный азартом охотника, я прибеж к общему способу: покерче ухватился за удилие и пошел вдоль боржи к берегу, ведя рыбу, как на дорожке. Спустившись на гранитный берег, подтянул удилие, взялся за леску и осторожно вытаскивал белочувячатую, серебряную треску. Она, подергиваясь, хрипела и вспыхивала под утреним солнечным, желтым, причудливым огоньком.

— Матерая,—сказал Глебка с завистью.—Фунтов на 20.

Пальцы мои дрожали, распутовая леску.

— Глебка, у нас червяков не осталось?

— Не надо,—и вленил крючок в карий глаз рыбы и вырвал его,—я всегда беру столько, чтобы первую штуку вытянуть, а там все на-глаз. Еще как заменит!

Когда мы вернулись на старое место, немозжог поугомонились, Глеб докончил:

— В тот же день пошла мамка, грешным делом в сортир, закончить свою программу, нечаянно поглядела мамка в дырку и остолбенева: вину плавали иконы на главе с Николаем чудотворцем: вся бородушка у белогого по вине мамаша залепана. Прибегает мамка в избу и набрасывается на меня: «Такой, сак, яй, перестайки, да покуди-то твои еще не отпиди!». Я сижу на лавочке только что поел, слушаю, как в брюхе уркает.

— Мама,—отвечую,—если вам нравится, пожалуйста, бранитесь, но я ничего не знаю.—Тут в разговор вмешивается татуи:

— Не жури,—говорит,—комсомольца за мою вину.

Мамка-то на него, как ястреб, так и уставляется:

— Никак,—говорит,—я оглохла?

— Оглохла?—переспрашивает татка, подходит и кричит ей в ухо:

— Не брани комсомольца за чужую вину.

Хваталась тут мамка за бона, прирела и пошла ругаться разильная:

— Чур, чур,—голосит,—бес проклятый, да я тебя и на кровать не пушу.

— Не заплачу,—говорит татуи,—мои года не те.

Потом развела мамка щелку и открыла пращечную. До того иконы донарила и доскоблела, что прямо невсерянтно. А где у Николы борода, там голое дерево: краска сошла. Затем полила мамаша идолов своих водичкой красческой и пошла к полу каяться.

Надо сказать, что она таткой взята из Сорюки и была лютая старюверка. А лучше с чернотенем жить, чем со старювером. То-есть, просто она всю семейную жизнь сводила на нет—у каждого свой ковш, своя ложка, чашка, стакан. К чужим не притрагивалась. Прибежишь другой раз в туалетах—где тут разбираться. Наньшесь водичку, а потом плач:

— Ты мой копишчок опоганил.

— Мамаша,—говорю,—стало быть и вы поганили...

— Я?

— Да, ты же меня родила, и коий я поганил, то стало быть от тебя.

— Онемел бы,—говорит,—твой язык, любезный сынок,—и начинает выть. А выла непереносно.

Задумал я мамку взять в оборот—она теперь все татуи мурчит, меня—ничего, в покое оставила. То-есть, сживает со света старика, корнит корками; придет тут с работы, самовара не ставит и т. д. Даже мне жалко его стало. А меня все уещевает и утром, и вечером, и под правое ухо, и под левое, и ласково, и бранчливо; до того надоела, что жить не мила.

Раз принял я потрясенный вид и говорю:

— Маменька... (даже голосом дрожу).

— Что, дитяток?

— Может, меня бог простит?

— А что?

— Я, мамаша, раскаялся...

— Кинулась ко мне, завизжала и ну обнимать. Пришел потом отец и, узнавши в чем дело, заерепенился, что пегух—теребит рыжью бороду, да притрагивает: ой, дрянь ужасная, ой, лутаник света белого, донесу в ячейку, срамишь отца на пороге могилы. Я ему подмигнул, и старик, ничего—остыл.

На другой день бракаюся на колени перед иконами, начинаю креститься.

— Господи,—говорю,—прости меня грешного...

А мамка уж на своем посту, дивуется во все глаза.

— Ова перед тобою заблудшая,—говорю, возывая голос и крещусь:—молюсь тебе: пошле большевикам удачу во всем.

Чувствую: начинает мамка крятье.

— А также пошли здоровья мировым вождям революции... (перечисляю, с указанием имени, отчества, фамилии и занимаемой должности).

— Полно над господом смеяться,—говорит мамка, подходит в угол и адресуется к иконам:—что ты на него, боженька, смотришь, не видишь: глумится над тобой...

— Ну, думаю, клюнуло, идет дело, как на колесах. Несколько дней так в углу распинался. И за поднятие производства, и за то, чтобы вовлек в на-

шу ячейку все 100% молодежи. И за то, чтобы комсомольскую Пасху спраздновать пособия на зть. А персты вместо шепоти складываю в фигу, так и молюсь. Крепись!—а смех так и брызжет. А мамка ходит за спиной, почернела, бормочет, шпийт—раз не выдержала и говорит:

— Чего брюки-то перед голыми досками протираться? Им хоть в рожу наплюй, ответа не дожделешься...

— Признаюсь тебе по совести, когда седа мы в первый раз обелдзай одной чашки, да без всяких церемоний, а в углу вместо икон портрет Ильича, озирает наше жилище, как бы подмигивая: что, мол? Так я на месте не могу сидеть. Все хочота, и вместо рта, к уху ложку подносила. Побежала потом в ячейку к секретарю нашему Леньке поделиться успехами.

— Как ты, спрашиваю,—выполнил полностью?

— Молчит.

— Читал,—говорю,—лекции, начиная с первой живой клятки, подходя к Дарвину?

— Читал, но слушать не стали. Вот, как иногда трудно крутиться приходится. Вот и выдумываешь,—сказал я и посмотрел на Глебка,—почему именно таким путем ты добивался результатов...

— Э,—он покрутил головой,—все потому, что они были глупы и, по толкованию попов, представляли боженку в виде обыкновенного благодетельного мотгутого человека. Ну и начал я его тут компрометировать так, как стая бы компрометировать живого человека. Батьку показал, что этому благодетелю, естелю он поклоняется, наплевать, если он утонет. А мамке продемонстрировал картинку того, как всемогущий бог покорно сносит намешки мальчишки. А отсюда что? Вывод: значит, его и нет.

— А также пошли здоровья мировым вождям революции...

КУДА ВЕТЕР ДУЕТ

А. ИРКУТОВ, иллюстрации М. ХРАПКОВСКОГО.

1. СЕВЕР, ЮГ, ВОСТОК, ЗАПАД

ПОТОМ, НЕСКОЛЬКО дальше в степи, дороги меняли свое первоначальное направление, начинали браться из стороны в сторону, смущая проезжих дерзостью неожиданных поворотов. Но через самый городок и еще версты две за городом, они лежали безукоризненными, словно по линейке, вычерченными, прямыми.

Дорог было две, и если (смотри любой учебник географии) вы в полдень становились лицом к солнцу, то видели, что одна дорога идет с севера на юг, а другая — с востока на запад. Там, где они перекрещивались, лежал маленький, серый, пыльный кружок, именуемый Каланчевской площадью, а на кружке торчала, оправдывая название, порывчатая и погнувшаяся от старости каланча городской пожарной команды.

Пожарная команда давно распалась, разбежалась, разошлась кто на север, кто на юг, кто на восток, кто на запад. Одни с красными покинули городок, другие предпочли белых, третьи позарились на беспустье зеленых, четвертые отхлынули с самыми что ни на есть черными маховцами. В городке оста-

лись — слепая кляча Машка, дырявая бочка с порванным рукавом и паралич-ный сторож Макар.

И еще осталась одна лошадь и один человек, только были они не настоящими, а жестянными и торчали на фили-калчане. Должность у них была самая легкая и приятная — ехать туда, куда ветер дует. Эту должность выполняли они изо дня в день, причем лошадь с удивительным безразличием развивала по ветру свой жестяной хвост, а человек с одинаковой наглостью показывал спину и черным, и белым, и красным, и зеленым, в зависимости от того, куда эти последние уходили и куда ветер дул.

Один раз, когда бешеными порывами хлестал ветер в северную сторону, жестяной человек увидел, как красные в'ехали в городок и, сколько они после этого ни крутились на своем шпилье, не увидел, как они уходили.

Красные пришли и осели крепко.

Параличный Макар получил какой-то «бесовский», как он говорил, паек, слепая Машка, бродившая по площади, была загнана в стойло, а деревянная бочка погуествовала в своих старых боках свежий запах заклопо.

Помещения пожарной команды, за-гаженные и залупенные, привели в порядок. Казариу разбили перегородками на ряд комнат, в комнатах поставили столы, за столы посадили людей. У входа повесили вывеску, и обыватели от этой вывески шаркались, как испуганные лошади. Длинные слова складывали свои заглавные буквы в короткое и резкое, как выстрел «наган», слово

Ч Е К А

ОТ ЧЕКИ незримые и таинственные нити тянулись по дорогам тула, где эти дороги тонули в степных пространствах, пьяных от бандитской удали.

Банды обложили город колючим разбоя. Банд было четыре. Во главе каждой стоял один батько. Батько носили длинные, дайные, а то и трюные имена. Но люди в Чека длинных имен не любили и просто для краткости окрестили батек севером, югом, западом и востоком.

Так и говорили:

— Восток опять волносполком ограбил...

— Юг на транспорт напал, чорт его подери...

II. КОТОРЫЕ НАУКИ, ТО ПУСТЬ ПРОЦЕКАЮТ

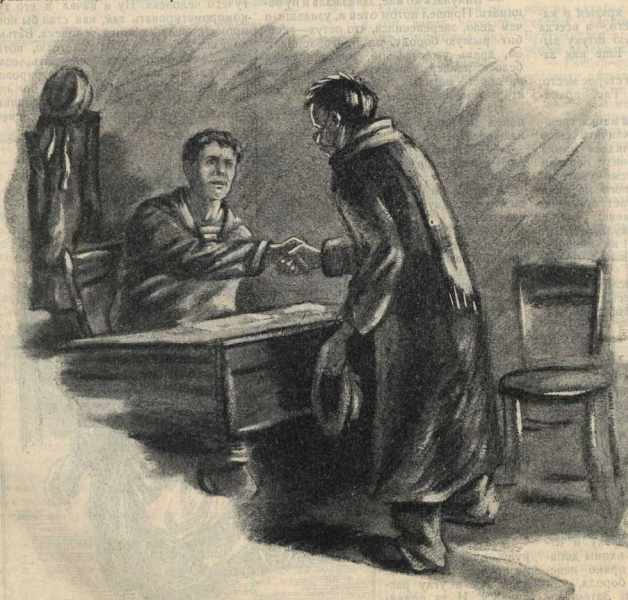
МАТРОС БОНДАРЬ — человек крепкий.

Насчет грамоты у него не очень, но фамилию свою подписать может и бумажку всякую разберет. Однако, бумажек не любит — читать их долго — особенно, если от руки — и предпочитает всякий предмет на словах выписать. Человек не бумажка и, если сам человек перед тобой на стуле сидит и робет (а перед Бондарем все робеют), то всякую неправду в нем сразу увидишь.

Всякие предметы эту нелюбовь Бондаря к бумажкам знали и, подав бумажку, с трепетом ждали, что секретарь скажет:

Предчека просит в кабинет.

Робеи уже на пороге кабинета, а в кабинете и совсем языка лишились. Однако, Бондарь всегда знал, кого обласкать можно. На подозрительную личность он глаза поднимал и, словно сквозя века, пропускал. Личность совсем робела, путалась и бывало так,

— Которые науки, то пусть процекают. И с моей стороны приятствия, между прочим, не имеется...

что, сев на стул в Бондаревском кабинете, продолжала потом сидеть в... по-прежнему.

Который же по делу справедливому шел, тот видел глаза Бондаря голубые, словно морем интантные и совсем не страшные. Под взглядом этих глаз всякая робость прочь шла и слова на язык сами проислись.

Поэтому и говорили о Бондаре надвое. Одни злобно ворчали, что он де и в глаза-то людям смотреть боится, а другие, улыбаясь, объясняли, что он человека навскиво видит и одним взглядом к себе располагает.

Когда местный учитель естественных наук направился к Бондарю, то его приятель по ужаснулся:

— Да он вас живьем съест. Да он и в глаза вам смотреть постыдится, а говорить и вовсе не станет.

А сторож школьный, который к попу на квартиру уполнен был, напротив, заметил:

— Вы, Николай Ликсандрович, смело. Такой человек, такой человек! Как посмотрит, так сразу обласкает.

Николай Александрович с вечера бумажку написал, а утром пошел на площадь, чтобы к Бондарю очередь занять.

Бумажку Николая Александровича Бондарь долго в руках вертел, потом секретарю сказал:

— Позови учительшу.

А когда вошел Николай Александрович, то Бондарь, не поднимая глаз, спросил:

— Между прочим, что значит мете... мете... ну, словом, о чем тут прописано и какая с того рабоче-крестьянскому правительству польза?

Не в пример другим, Николай Александрович робости особенной не выказал и, присев на краешек стула, быстро изложил суть дела. Он говорил о необходимости наблюдений за погодой в видах сельскохозяйственных, указывая, что метеорологическая станция на каланче им уже лет пять как оборудована, но по причине бандитского и белогагардейского варварства разрушена и что только теперь, при твердой и сочувствующей просвещенно власти, он надеется...

Договорить Николаю Александровичу не пришлось.

Совсем неожиданно Бондарь вскинул на него свои голубые глаза, ласково улыбнулся и, протянув свою огромную руку, в которой утонули тонкие пальцы учителя, сказал:

— Которые науки, то пусть процветают. И с моей стороны препятствий, между прочим, не имеется.

III. ...И ЧТОБЫ СОВСЕМ СЕКРЕТНО РАЗРУШЕННУЮ станцию учитель восстановил быстро. Показав на каланче всяких приборов и лезв за днем производил измерения, вычисления и записи. Сперва работал он в одиночестве, потом нашелся у него совершенно нежданный помощник.

Было это в хороший, солнечный день. Учитель занес в разграфленную таблицу

силу и направление ветра, атмосферное давление и собрался спускаться вниз, когда лестница закрипела под чинными тяжелыми шагами.

В спущенном отверстии оказалась матроская шапка, потом вынырнуло лицо Бондаря с ласковой улыбкой голубых глаз.

— Не помешаю?

И, не ожидая ответа, ткнул пальцем в таблицу:

— Это что?

Учитель давал объяснения охотно и подробно, а Бондарь, по морскому делу кое-что о метеорологии¹⁾ знавший, понимал с полуслова. На каланче пробыв он с час, а то и больше и спустился вместе с учителем. Спускаясь, говорил, поворачивая через плечо голову:

— Учиться необходимость чувствую и, если разрешите, то захождать часто

Он забержал лошадей, вынул из кармана бинокль и оглянулся назад

буду. Очень я ко всему любопытен. Между прочим, как будто и грамота нужней, на всякое дело пригодится.

Во дворе к Бондарю полдетел секретарь и что-то шепнул ему на ухо. Бондарь крепко сжал учительскую руку и пошел в кабинет, где уже сидели его помощники по работе.

Из центра пришла телеграмма. Телеграмма отвечала на сводку, посланную Бондарем, и в телеграмме стояло одно слово:

Ликвидировать

Бондарь заседания по этому поводу не открывал, а просто отдал распоряжения. Распоряжения были короткие, как телеграмма.

— С завтрава. По всем направлениям разведку. Сам буду во главе! Начнем с юга.

Секретарь доложил, что по всем направлениям сразу нельзя. Необходимо оставлять людей в городе.

— Верю, — сказал Бондарь. — Тогда по очереди. Завтра к шести утра сорок и два пулемета?

— На юг?

— Сказал—на юг.

И, вставая, добавил:

— И—чтобы совершенно секретно.

IV. КРУЖАЛЬ ЧОРТОВА

УТРОМ, ВЫЕЗЖАЯ, посмотрел Бондарь на шпиль каланчи. Там жестяной человек на жестяной лошади бодро скакал к югу. Душный в спину ветер колебал ленточки Бондаревской шапки.

Ехали тихо, не кура и не разговаривая, а в степи расцелился по целине, уминая копнатыми серебристыми нити ковыля.

Вернулись к вечеру, ничего не узнав, ни на кого не натолкнувшись.

А когда вернулись, получили известие, что на севере банда свирепствовала целый день, разорыв хутора и паял исполком.

На следующий день бросились к северу, но следов банды не нашли, зато на юге неизвестные живьем зарыли в землю пять незаможников. Потом метались целую неделю.

Ехали на запад — бандиты появились с востока. На восток—во крови плавал запад.

Каждый новый налет отличался все большими жестокостями, и при этом действовали бандиты с удивительным спокойствием и равнодушием к близости Нека.

А один раз, когда на севере бросился Бондарь со своим отрядом, бандиты спалили всю южную окраину дровавшего в слепом страхе городка.

Бондарь сам руководил тушением, сам помогал пристроить погорельцев, и, вернувшись к утру в свой кабинет, ударил кулаком по столу так, что чернильница подскочила и опрокинулась на бок, оставя красную струю на старом, потрепанном сукне.

— Чортова кружаль, — сказал Бондарь, и голубые глаза его стали темными, как море перед бурей.

V. ПЕРЕДЫШКА

В ЦЕНТРЕ ПОЕХАЛ секретарь. Ему велел Бондарь добиться помощи, а сам пять дней ждал результатов, прерктив бессмысленной и утомительное кружение вокруг городка.

В эти пять дней он почти не слезал с каланчи и совсем замучил учителя бесконечными своими вопросами.

Одной метеорологии Бондарю оказалось мало. За метеорологией последовали начатки естествознания, потом бе-

¹⁾ Метеорология — наука о погоде.

седь по географии, потом кое-что по арифметической части. Учитель и обедал вместе с Бондарем и иногда оставался ночевать у него в кабинете.

Раз, во время вечерней беседы, Бондарь вдруг подпрыгнул на стуле:

— Стой, брат учитель!

Учитель вздрогнул.

— Школа твоя стоит, мил человек?

— Стоит—ремонт нужен.

— Ладно. Будет ремонт. Будут средства, люди будут.

— Обыватели стоните.

— Зачем? Свою братву возьму. Только условия. По вечерам с нами занимайся.

— С кем это, с вами?

— С братовой и со мной тоже.

— С вами отдельно?

— Зацем отдельно? Вместе с ребятами сразу.

Учитель улыбнулся.

— Неудобно, товарищ Бондарь. Начальник вы, и вдруг вместе с подчиненными, а да бе.

Поголубели еще больше глаза Бондаря. Усмехнулся:

— Ты это, учитель, брось, неудобно! Пример я им должен быть. Вот и буду! И а и бе и все, что надо. Идет что ли?

И сам сейчас же рукой к звонку. Дежурному приказание:

— На завтра собрать всю команду. Учиться будем. Читать, писать и другое что.

А дежурный—словно кто его рублем подарил.

— Неужто? Вот, это, товарищ Бондарь, вы ладно придумали.

И на следующий день красноармейцы Чехи и Бондарь с ними стучали молотками, звенели топорами и пилами в классах городского училища.

VI. СВОИМИ СИЛАМИ

УЧЕБЕ БЫЛО всего два дня.

На третий приехал секретарь и привез в ответ два слова:

— Своими силами.

Бондарь слушал доклад секретаря, выходя в тетрадке с косыми линейками палочки, а дослушав,—палочки бросил.

— Завтра на север, коротко бросил он и снова за перо.

— Олять кружаль?—осведомился секретарь.

— Докружимся... обязательно до чего-нибудь докружимся... а что-то, брат, у меня эта загогулина не выходит.

И, пока секретарь приготавливал все к завтрашнему походу, предтечка Бондарь старательно корпел над мудреной загогулиной.

Загогулина, наконец, уложилась в положенные ей графы, и Бондарь, довольный своим успехом, пошел на каланчу. Там он справился у учителя о погоде и, замаявшись, попросил:

— Может, ты мне, Николай Александрович, на завтра новый урок напишешь?

— А завтра что ж?

— Завтра, может, не успею. Дело есть.

— Едете куда?

Тут глаза Бондарева вдруг потемнели.

— Не твое дело!—отрезал он. А потом покосился:

— Ты прости, учитель. Не люблю я, когда в мои дела лезут. А палочки мне на завтра напиши. Беспременно.

VII. ЮЖНЫЙ ВЕТЕР

В ЧЕТЫРЕ НОЧИ оседланные кони ржали на площади. Было уже светло, и Бондарь, вскакивая на своего вороного, по привычке главу на шпиль каланчи. Человек на лошади мчался к югу.

На этот раз Бондарь позаботился, чтобы о его присутствии в отряде не знали и ехал одетым в кожаную куртку вместо матросского бушлата, а на голову надел кепку. Под кепкой его загорелое лицо казалось высеченным из камня, и плаваше от козырька тени делала его еще энергичнее и жестче.

На самой окраине города бешеный ветер вдруг равнул козырек Бондаревской фуражки и чуть не сорвал ее с головы. Бондарь машинально повернул свою головную уборку задом наперед и, опуская руку к поводьям, вдруг вздрогнул.

Ветер дует навстречу. Значит, с юга. А человек на шпилье сморгнул на юг, т.е. показывал ветер северный. Что за притча?

Он задержал лошадь, вынул из фулбра бинокль и оглянулся назад.

На фоне ургенного неба украшение шпилье казалось нарисованным. И сколько Бондарь ни протирал стекла, оно упорно и настойчиво смотрело на юг.

Ничего никому не сказал Бондарь. Только верстах в трех от городка велел свернуть в сторону и повел отряд кругом по шельне степной, обходя городок с востока. А когда обходом вышли на северную дорогу, пошли в галоп, потом в карьер, и только через четверть часа пустили лошадей шагом.

В этот день бандиты не ушли от отряда. За одним из сел Бондарь со своими красноармейцами нарвался на пьяную шайку, спокойной двигавшуюся им навстречу. Начальник шайки издалека приветствовал их, а, когда вблизи понял свою ошибку, не успел дать ходу.

Ни один бандит не ушел.

VIII. КУДА ВЕТЕР ДУЕТ

КАРЬЕРОМ НЕССЯ Бондаренко к городку, оставив отряд сади. Не дожидаясь до окраины, привалов он кил к телеграфному столбу и по огородам добрался до площади.

Человек на шпилье неугомонно скакал к югу лицом, к северному ветру.

Как ветер, влетел Бондаренко в свой кабинет, как ветер, поднялся из кабинета на второй этаж, откуда шла лестница к каланче. Как ветер, вбежал по лестнице и остановился перед учителем, спокойной чертившим что-то на разграфленном листе бумаги.

— Куда ветер дует? А? Куда ветер дует?—проревел Бондарь.

Учитель сразу с'ежился и стал маленьким и противным.

— А что делать с этой станцией там, наверху?—спрашивал секретарь.—Которые там приборы и записи тоже. Может, выбросить?

— Не тронь! Сам буду ходить каждое утро. И записывать все бузу в аккуратности. Потому, это наука такая, что для хозяйства и прочее. И вообще.

А когда секретарь уже скрылся за дверью, остановил его Бондарь:

— И еще ребята скажи. Которые палочки в тетради, то пусть пишут. И чтоб мне на показ давали...

Куда ветер дует! А? проревел Бондарь...

НАША СЧЕТ

И. УТКИН, композиция П. МАЛЬКОВА

Посвящено Блему

За семь тысяч фабричных труб,
О, как можно и сердце гномикать,
Сэр, катающийся в Инкини,
Если вспомнить про тех, кто с котомкой
Повелел розные ставки,
И—в коммаре, по жестоким шпалам,
И мешки, и скрутки,
А за ними—шальи,
А на них—
ТИФЛ.

Я бы много и много вложил
Бесчисленных, но точных сумм,
Если было бы можно ПОВОЛЖЬЕ
Вложить в жалкие пельсы и су!
В каждой хате!
Ведь, в каждой хате,
Занувильный скрипит напев.
Я боюсь, что волос не хватит
У тебя, Британский Лев!

Я к великим британским сагибам,
Как индус, умиленьем прожжен:
О такое большое СПАСИБО
Можно только сказать—пожем...
Но всегда: хоть и злоба течет,
Хоть и плещется мыслями желть,
Помню—я,
Помню—МЫ:
Не рабочий
Приходи наши села жечь!
Нам обним Восток зажженный
Неиспуганно души жожет,
И мы оба с порывом Дюном
Исторический пишем счет,
И когда нам столетия свистнут—
(Это время вот-вот!)
МЫ ПРЕДЯВИМ МИНИСТРАМ
Из нагаюв—
СВИНЦОВЫЙ СЧЕТЛ.

Лондон.
Лордам—
Обоим Палатам
СЧЕТ—стих
ЗА:
Убитого брата
И еще миллион таких.
Сознался—довольно долго
Головами не торговал,
Но считало—не меньше, чем доллар—
Каждая голова!...

Я годика смотрел до отказа
Голубые глазенки, вас,
Ах, глаза, что ни разу
Не выдали отцовских глаз—
Незабвенные, жуткие былы...
Помни, мальчик, смотри до конца,
Что британцы в ташенной Сибири
Твоего прудилиши отца!
Ну, не их, не заморшея и петь ли?
Не о них ли, сиротка мой?
Очень ловко—ангайские пелан,
Кругит добрый поручик Дюно!

Счет второй:
Правда, осень грубий,
Но не так, как британцы, груб,
За фабричные трубы,

РОЗА МЕЛЕВИЧ

В. ТОЛСТОЙ, иллюстрации Г. БЕРШАДСКОГО

ГЛУХОЙ УЕЗД, и зовут его Глуховским. Город тоже Глухов. С виду все, как у путного города, и Ислахом есть, убого, много, сад городской, водопроводная, а изнутри—пустота, грязь. Хоть бы фабрика или заводик какой, а то ничего нет. Потому и совно так в этом Глуховском уезде, потому в оргделе губкома РКСМ в списке убогих Глуховский а большой вопросительный знак поставил.

Газеты местной в Глухове нет, конечно, да и зачем она, когда каждый человек здесь, что стоишь из хроник. Случись что, на завтра все знаешь. И жил в этом месте человек один — звали его Розой Мелевич, Роза Мелевич не Глуховская, дальняя.

В девятнадцатом году, когда Розе было шестнадцать, она в группе инициативной состава, союз организмовала. С союзом в субботники участвовала, работ на фронт отправала. Среди нужного ей Глуховского уезда она нашла себе родное место — со в з и м о д а е ж и. Там она с утра до позднего вечера работала.

Активна.

Старики восхитались:

Ну и девка, бесовая, смотри — лучше работает...

Секретарю Розу избрали.

Это все в годы военного коммунизма. Это все в те годы, когда каждое фронтное известие или подвиг, рывок тотчас же, воздухом мало. И Роза работала. В работе а не заметала, как тыф подкарашив, свалила Розу. Заболела она и месяца два лежала. Думали — не выживет.

НАСТУПИЛ ИЭП. Странники показались лавки торговые, корзины базарные, давно невиданные. Странным все это показалось Розе. Выздоравливала она, вернулась в сохот, но не узнала его. Встало лишь два — три месяца не было Розы, в ножки у ступея подломались, лозунги пожелтели, клавиши на пианино почернели, да и звуки разострились. Ступешлось как-то. Пустота поунувствовала. А все потому, что Глухов без сердца жила. Хоть бы заводик какой!

Потянуло Розу из этого нужного места, к друзьям потянуло.

И Роза доблась своего. Не успела она обрадоваться, как знакомые читали уже в местной хронике...

— Розу Мелевич знают?

— Еще бы!

— Так вот, была здесь представительница губкома на конференции, уходит с собой.

Перед отъездом Роза шла в клуб сказать ребятам, что работать в Глухове больше не будет. Не перили. Но когда Роза взяла из шкафа свою анкету и попросила сделать открытие, ребята как-то странно завопили.

— Брось! Помнить тебе, Роза, секретарем Глуховского убома...

— Не хочу поминать, — отвечала Роза.

Кто-то разгромованно ухрюкнул се:

— Вот те и кай! Конференцию провела, работу констатировали, план наметили, тут бы только проводить в жизнь, себя проявить, а она уезжает...

Лина у всех мрачная.

Завалуб грубо крикнула игравшему на пианино собачий халас:

— Брось брехать!

Наступило минутное молчание. Роза первая накрушила его.

— Ну, подлинно, а то скоро поезд отходит. Я, ведь, с Кирыновым еду...

Подписал парень нехотя анкету, окинул Розу взглядом, и мыслен в голову поделали: — С Кирыновым. Не влюбился ли Розка в его речу, фигуру?..

Парень браный...

Не то думала Роза.

— Подписал? Давай! Прощайте, ребята! Посмотрела еще раз на клуб, девчата перед глазами встали. Сжался комок внутри у Розы, и она вышла.

Вечером почтовый поезд навсегда увез Розу из Глухова. Всю дорогу не спала она. Села у открытого окна, устремила глаза в степь, под стук колес думала.

— Глуховский уезд... Глуховский уезд... думала Роза.

Часы бежали. Поезд останавливался на промежуточных станциях, на время нарушалась мыслен Розы беспорядочным шумом посылы, потом, со звоном и свистком паровоза, шум обрывался, и поезд увозил Розу все дальше и дальше от Глухова.

С радостным чувством она встречала зарю... Сидела показываясь красная полоска, далеко-далеко на горизонте, как бы свет от зажженной лампы, а потом, все больше раздвигаясь, она поднималась выше и выше, заворачивая темную завесу... Начался новый день.

РОЗУ ЗНАЛИ в губкоме и раньше. Разовались приезду се.

— Молодец Кирынов, что привез Мелевич. Потрясла бы, — сказала Лялина, секретаря губкома РКСМ.

Кирынов победил в дом советов комнату откидывать, а Лялина привез Розу в оргдел и на злопозначный список показывала.

Над вопросительным знаком смеялись.

— А это зачем у тебя? — спросила удивленно Роза, показывая на тюрмо, стоявшее в кабинете у Лялина.

— Эта комната раньше будуаром графине служила, так вот и осталось все петровским, — смущенно отвечала Роза.

Роза подошла вплотную к зеркалу и... и словно никогда не смеялась в него. Черный ношитель волос выбивался из-под красной косынки. Лицо, слегка запыленное от дороги, выгидало смуглым с большими красивыми глазами. Синяя блуза с вывернутым воротом (на манер декольти) плотно облегла тюрмо.

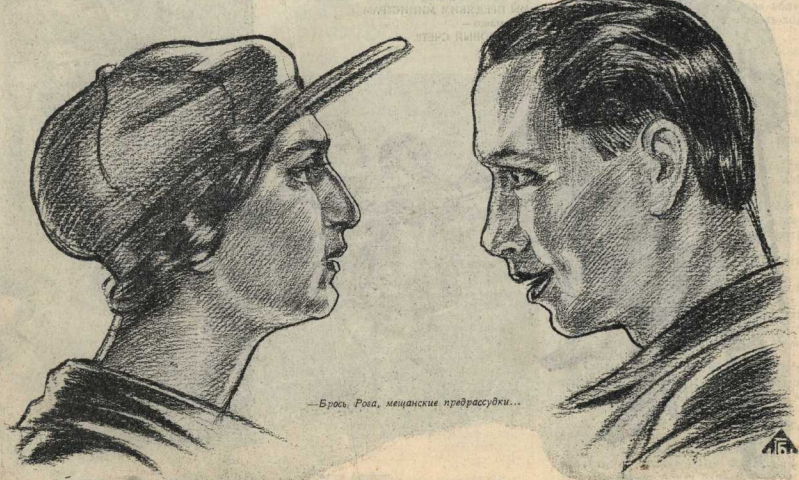
— Ну что, понравилась к зеркалу, — засмеялся Лялина, — знаем, что красива, а смотри, не сбавляй нас здесь, а то живо в Глухов отравим, — сказала она.

— Фу, чорт возьми! — выпалил только что пошедший Кирынов.

— Ни одной свободной вет, я уж и мандат показывал а с лавом беседовал, — ничего не поможю. Пойдем-ка, Роза, со мной к нашей комсомолке, пока вместе побудете.

Кирынов потоворил и удалялся с Розой. Так начался первый день Розы в губкоме.

Комиты больше она не искала, с Нюрой Сиссевой подружилась. Здесь Роза почувствовала себя свободной, и прежнее желание работать возвратилось опять. Помимо учетно-распределительной работы, они вместе с Нюрой руководили делами в женотделе парткома.

— Брось, Роза, мецанские предрассудки...

Скоро она ознакомилась со всеми ячейками, узнали ее и комсомолы. Имя Розы Мелевиз стало многим известно.

Слова гауховских стариков «бедная девка» — перенеслись и сюда.

ВРЕМЯ ШЛО. Будни сменялись праздниками, предвзварты губоме доводились тем самым для докладов, статистика членов союза увеличивалась, росли каубы, рос союз, росла Роза. Ей студуюа 20. Хотелось учиться, и учиться всерьез.

Каждо раз зашла к ней на квартиру Лялиа. Нюра была в клубе, а Роза, только что выстарив белее, княвляла на прамусе чай.

— Здорово, Роза!
— Здоровой Ты чего?
— С радостной вестью пришла.
— Ну-ка?

Уселась на кровать, и Лялиа, как бы улавливая впечатление, говорила, всматривалась в Розу.

— Два места на рабфак прислали.
— Ты что, правду говоришь или треплешься? — недоумевала Роза, а у самой мысли молнией в Москву улетели.

— Да вот же, потому и пришла к тебе, что тебе интересно. Хорошей партией выдешь.

Обрадовалась Лялиа Розу известием, а еще больше другим, что на второе место кандидат — Кирильнов, в Москву, в такую большую Москву, одной лад-то жутко, а со своим парнем веселее. А, может быть, и не только потому, что жутко, может, потому что Роза качалась и тело и разум свои шлодит. И у Кирильнова стальной щет ковки, либо прамус, чистое, с красивыми черными глазами, зачесанным волосом. Может быть...

НА ФАБРИКЕ «САЛОМАС», по месту гурьбы Кирильнова, проводы им устроили Гурьбой на вокзал провожали. С комедантом поспонили, что толпой за явную на перрон повалились. Потом платки выискали, что толпы в глазах остались, и Роза с Кирильновым уехали по командировке на рабфак В Москву, туда, где у Резанского вокзала место с огромной вывеской Княвлятина «Титан», повозчик под собой пропускаят, горю показывавет.

Роза с Кирильновым тоже увидели город. В Якимовский обшестив остановились. Выход на горку, и у дверей скромная владиса: «Рабочий факультет». Шум необычайный, пестрота толпы, залы высокие, — режут глаза Роза с Кирильновым. По улице выше шла, а в рабфак с толпой сменялись. Из коридора в коридор сияют — аудиторы в рывалы заходят.

Как школьники, запах карандашей и бумаги чувствуют, разгисание списывают. На первых лекциях — на сымакы, на хорат и в проходе слова профессора в тетради записат.

Учеб! Нормо чувство — уче ба!

А в перерывах от лекций быстрыми движениями, вместе с другими. Роза с Кирильновым идут. Мимо буфета, где по чашочкой кружка чая с булочки дается, к тем двум гаям на серой ботинке небрежно написанно: «Специальная Комиссия», «Являя РЛКСМ».

Эа деча.
А вечером, редким вечером, когда в кармане у Кирильнова билеты на доклад, они идут к Большому театру, к тому самому, что в журналах печатаются.

Калоничи, яруси, драгировка красная и тысяча ламп. Сиег.

— А сиева, — шепчет растерянно Кирильнов, — на вой дом нашего губискомкома поместится.

Роза садится, у нее голова кружится.
— Не сон ли! — думает.

Кирильнов за голову Розы оплается и почитую, совсем для нее спонитую, крепко сжимает руки.

Из партера в ярус, из яруса в ярус шум волной прогосаг, и гда-то разом из сотей глоток вырывается:

— Роза дружок. Не от холода, а от полноты чувств. Умьба не сходит с лица, ширится, губы приторываються, сами шепчут. Сначала злит, затем сдается, и та другая гласнее и громче:

— Вле-ре-ре-ре вы-стречу-чу.

Это — вечером
ОСЕНЬ ПРИШЛА. Клубыи цветот со скверов сначала, листья желтели, антилопские яблочи на лотках появились. Осенью москвичка с лад возвращалась, а студенты на Воробьевке с летом прощаются.

Смотришь, а она лежит с раскинутыми руками — голова на правую сторону склалась...

Кирильнов предлажит Розе поехать. В Воскресенье. Может, последний солнечный день в этом году. (Поеди, Роза, А?

По Калужской улице, длинной, шумной, трамвай быстри ходит. Остаются резкие. Длинный путь. Пассажилов много. Роза с Кирильновым на площадке. Москву обозревают. Нескучный сад. Москва-река блеснула Основиа. Пересадка.

Вот в Воробьеве горы. Лети бесплатно в лодках водится, истоко себя прошеят: злитря качели качаются. На футбольной площадке трибуны митю гоняют. Это с высоты видно. Под горой у реки оторвал, августа созрела, а за рекой —

— Век Москва. — Да क्या большаи! — ой, ой! — закричала Роза.

— Выглян колокольчик Ивана Ванюгого — спонил Кирильнов.

— Присел, присел, — ведет руку Розы по воздуху и остановил, — вот смотри. Промо.

— Ежик, жуку, Черная, высочая, узкая.

— А теперь видишь. Осто рожица...
Перед човном спуска бегом, на бугор, под него, ниже, ниже, к реке. Роза вперед, со смеетом. Бекит, хочочет, выбрала зельный кортик и села. В голосе одно слово — «Москва».

Москва-гороса.
Москва-волок.

Перелата смеяться. Гаухов вспоминал. Ребят, клубы.

Москва и Гаухов.

Онич смешино стало. Кирильнов поделел.

— Ты чего замулавляе?

— Галюкскую конференцию вспоминал и теба.

Осенью день коротки — пять часоа — тримсет.

Было четире, когда Кильничев села и Роза.

— Ты уже успела НИМ купить?

— Нет, полнэра сморвет.

— Подира? — Да — И сама смотрит в воду, по течению глазами ведед. До моста догоса.

— Дай посмотреть.

— Он правивает.

Кирильнов рукой к явчку. Пронел рукой пальцем по бискам ГИМ — явчек на правой гурди висел. Кильничев пальцем и явчек.

— Большо так, — отстранила руку Роза.

— Эа. Роза.

— Чпо? — Взор от реки отвел на Кирильнова.

Смотришь и удивляешся. Глаза у него бегаст и сам какой-то стальной стал.

— Не явничашь?

— Нет.

— Брось, Роза, мешающие предрассудки.

Вперые с Розой такой разговор. Она уже пронала, о чем говорит Кирильнов. Пинда и испугалась. Осенней сыростью поведало. Дрожь пробежала. А Кирильнов говорил, много говорил. О физиологической потребности. Об отношениях парней и девушек.

— Давно я тебе это хотел сказать, еще там, в Гаухове.

Роза молчала. Несамое — интересе. Жутко. Чекианисе думи, кирильнов клонится ближе и ближе. Потом реками парном руки к лицу Розы.

Схватил — и в губы. Пришил.

Кимоский явчек спирталел в блузку. Москва-река потекла обратно. Кремль движется к Воробьевке. — Вот оно... Совсем близко... Давит своими стенами... Нет... не стенами и не шашинами... Не разобьреть... Темн...

В октябре Москва в нить часов темью окутана.

— Ты что?

ДНИ ШЛИ. Зима на носу.

Студии совсем холодно было. Утром Роза проснулася и не узнала своей комнаты. Девята согнала все кровати к стенам, освобождая площадь и по комнате — «марш!», шагали кругом. Шагали и барабанили:

— Старый барабанищик, старый барабанищик, крепко спал, вдруг проснулся, перевернулся, три коренья потерял.

Схватили Розу с постели, заставили в одной рубашке с виной ходить. Разгосрелась. Одна пошла к окну. Протират стекло и сразу криком:

— Снег пошел, снег пошел.

— Поняла значт, а ты не знала, что в это Холодно стало.

Скоро и каннику. Являя РЛКСМ Рабфакла поучила лекторскую для устеложения в провинцию. После собрания раздалась бумага.

Ничие интересней доклад будет. О новом быт-Явничуши влялись гурьбой. Торювани Боро — Пинда качалась.

Секретарь приняла к порядку. Объясня гИМ-Ничие открытым и предложиа избрать председателю и секретаря. С передних рядов вымакнуа хором.

— Меле-меле. Меле-мич.

Израбли. Роза покосилась. Ползравла на голову келку, вылезла из рядов и пошла на сцену. А когда объявила повестку, ничие в рядах толкали друг друга.

- Кто это?
- Комсомола нового приема.
- Да.

И другие сказали:—И-да...

Роза представила слово докладчику. Долго говорила он.

Роза сгустила и смотрела в зал. Встретился с Кирьяновым. Он улыбнулся, но не просто. Немного искривил лицо—с хусочком кривины. Больно стало Розе.

ПОСЛЕ собрания пошел к ней...

— Письмо получил от Ляни.

— Показки.

Роза читала:

— Заорую, ребята... Как учеба... Приезжайте в столицу. Губком перебрали... Сысоеву Нюру велели. Много работает, но не то, что Розка—та скуку наводит.

Не поняла Роза конца. Спрашивает:

— Почему?

Кирьянов с той же улыбкой, как в зале, отвечает:

— В рамках не годится.

— Смешаться?

И к другой тем.

— Поедешь домой?

— Нет, нечего там делать. Здесь работы хватит. А ты?

— Я... я поеду.—Сунула письмо обратно и пошла погулять литературу.

Ночь. Ночи все на одной манер. То холодные с нечем веселье, то хорошие—дунные, теплые, то дождливые—теплые, скверные. Но под ночью скрывается разное.

Роза пришла в дом Советов с вокзала в снежную ночь. В коридоре встретила швейцар.

— Вам кого?

— Сысоеву Нюру.

— Нету их. Перехали.

— А Ляни?

— Ляни в двадцатом.

Из номера двадцатого номера свет пробивается. Постучалась. Открыл Ляни и рукой по глазам.

— Розка, ты ли?

— Я.

— Проходи скорей.

А Кирьянов?

— Остается в Москве.

— Неразругались-ли?

Забирала чемодан и пальто, распрощался Ляни.

— Нет, не захотел ехать.

— Стрелки, зазнался. Ну, хорошо, что сама показалась.

— Я к тебе пока на минутку: адрес Сысоевой узнать. Она переехала ведь.

— Никуда ты сегодня не пойдешь. По морозу таскаться. Шмать хочешь?

— Ты не беспокойся. Я и у нее помю. Не буду же я у тебя ночевать на одной постели.

Ляни остановился и удивленно, с прежней застенчивостью:

— Что за предрассудки? Устала, как собака, да снес эти чухи из не на край города хочешь.

Останешься у меня. Я, пока ты будешь раздеваться, пройду к ребятам, а потом за доклад сяду. Буду работать.

— К Боине... во Второму дому Советов... Далеко идти,—думала Роза.—Останусь, что за предрассудки.

Возом проведлось в голове ее знакомое слово.

— Ну, хорошо, останусь. Только чаю не нужно...

— Так бы и давно. Тогда раздевайся, а я буду.

Роза хотела его остановить, но дверь захлопнулась. Достала из чемодана одеяло, сняла ботинки и в верхнем платье легла, устала.

Когда Ляни вошел,—она спала. Сел за стол. Работа не шла на ум.

— Розка приехала... у меня в комнате... Вавоем...

Пододвинула стул к постели, встал на него и газетой лампочку прикрыл. Глаза не будет резать. И сел у Розы. Смотрит, а она лежит с расквашенными руками, голова на правую сторону свалилась, ресницами черные закрывают глаза, и такой же черной волос с головы на шею свалится. Дышит спокойно. Неожиданно приоткрывает глаза.

— Ты чего?

— Смотрю на тебя—дьяво не видаю... и шопотом.—Миленькая Роза.

— Что ты, Ляни, опомнись. Не для наших языков эти слова созданы.

— Я и сам вижу, Роза. Удивляюсь. Глазку и ласки захотелось. Не видел ее. Нескладно выйдает,—говорит и рукой тихо по одеялу проводит,—ласкает.

— У нас циркуляр Наркомавра... Не можем...

— И давай, не нужно, спать хочю.

И вдруг быстро приподнимается, бледная, бледная, хватается за горло и савозь зубы шанд: —Тощит, плохо мне.

Ляни вгазил на лицо и испугался

— Соли дать?

— Да!—Шепотку взял на язык. Еще хуже стало.—У, тебя селдки не?

— Что ты, Розка? Совсем вырвет.

— Нет, нет. Тощита ашрел, но як хочеться селдки. Достать.

Ляни на столе у соеда видел ее. Вспомнил. Бегом. Не спрашивая, хватая, и к Розе. С жалостью, с невольной охотой сгела Роза селдкку, выпила стакан воды и легла.

— Если можешь, приди к ребятам.

С прежней бледностью укрывалась одеялом, сделала вид, что уснула.

Ляни бесзастенчиво повернул выключатель и вышел. По коридору к пятнадцатому прошел. Долго о чем то думал, потом постучал и скрылся.

ВСПОМНИЛА Воробьевку. Вспомнила и застыла.

— Неужели?.. и рещила.—Завтра же...—Свернула в комнату с голой под одеяло и долго слушала вой ветра холодной, свежей ночи.

РОЗА с Нюрой сидели в приемной. Обе молчали, да и все слышали здесь по настроению похожи друг на друга.

— Мелевич.—Выкликнул кто-то

— Есть.

— Пожалуйте...

Она вошла в кабинет старшего врача. Очки потуглались взор.

— Сухо.—Вы Мелевич?

— Да.

— Медицинское освидетельствование и Ваше семейное положение не разрешает нам удовлетворить Вашу просьбу.

— Но мои материальные средства...

— У нас циркуляр Наркомавра. Не можем. Сделайте.

Роза вышла.

— Я не могу. Мне откавали. Нюра помоги мне.

— Да не отчаявайся. Что здесь такого? Пустяки. Пройдем к моей знакомой акушерке.

Пошли.

ОТ АКУШЕРКИ поздно вечером, попарку с Нюрой, сгела Роза домой.

— Сысриво мне.

— Ляг, все пройдет.

— Да не отчаявайся.

Что здесь такого? Пустяки. Пройдем к моей знакомой акушерке.

Пошли.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ Ляни справлялся о здоровье Розы. Бесполокися.

— Что с ней?—неудомеял. Вспомнил, как она несколько месяцев назад стояла в его кабинете и смотрела в триймо.—Редкая девушка.

В памяти фронт пропльвала, работа в союзе, встреча с Розой. Давняя встреча. Совсем девочка.

кой была. На суботнике вместе работали.

Звоню.

— У телефона.

— Ляни?

— Да.

— Говорит Сысоева.

— Ну, что?

— Роза умерла.

— Как? Ты слушаешь? Алао.

Ответа не было. Голова, что прессом савляева, ломит.

— Розка. Правда-ли?

ВОТ и вся история Розы Милевич. Да, совсем забыл. Ляни после похорон писал письмо Кирьянову:

...Роза в Москву не приедет. В Глухов уехала.

КТО ВИНОВАТ В СМЕРТИ РОЗЫ?

(ЗАВОДСКИЕ РЕБЯТА О РАССКАЗЕ „РОЗА МЕЛЕВИЧ“)

ПЕЧАТАЕМЫЙ нами рассказ „Роза Мелевич“ поднимает один из наиболее острых вопросов рабочей молодежи.

Дельная комсомолка Роза умерла от аборта. Кто виноват в этой неурядице и трагической смерти?

Кирьянов?
Сама Роза?
Нюра Сисоева?

Вопрос сложный. Рассказ волнует, он бьет в точку. Роза Мелевич попала в тушину. Как она должна была из него вырваться?

Должна ли была она сделать аборт? Кто должен был сделать Кирьянов? Любила ли он Розу?

Много ли у нас в Комсомоле среди фабричной и заводской молодежи парней вроде Кирьянова?

Как оправдать поступок Розы?

Вот некоторые из огромного количества вопросов, которые неизбежно возникают у каждого, кто читал рассказ о Розе Мелевич.

До того, как напечатать рассказ в „Смене“, редакция дала его для обсуждения ребятам некоторых комсомольских ячеек. Рассказ обсуждался горячо. Видно, что заделас в нем вопросы сыльно волнуют, представляют из себя задачу, которая ждет своего разрешения.

Мы печатаем несколько ответов на поставленные здесь вопросы, которые были даны на них заводскими ребятами.

РОЗА САМА ВИНОВАТА

... По-моему Роза сама больше всех виновата в своей смерти. У ней оказалась слишком слабый характер, она испугалась предстоящих трудностей. Хотелась ей жить вольготно. Мы все знаем, что жить и учиться на рабфаке, да имея еще ребенка — трудно и скверно. Но живут же некоторые девушки и с ребятишками. Легко сказать прожить!

Роза была из фронты. Она переиспытала тяготы военной жизни, много видела и испытала на своем веку. Каким же образом можно оправдать ее поступок?

В. Ефимов (ф-ка „Большевик“)

ПО МОЕМУ — КИРЬЯНОВ

... Мне кажется, что виноват больше Кирьянов. Он не задумывался о последствиях своего поступка.

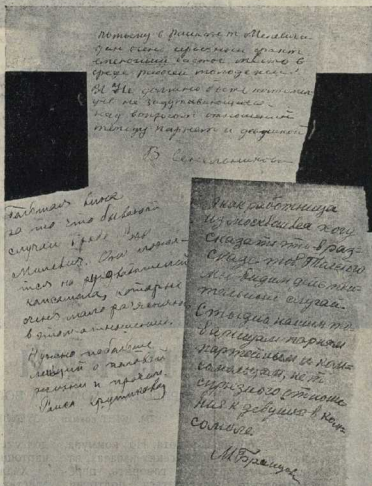
Хуже всего то, как он отнесся к Розе после того, как сошелся с ней. На собрании он на ироничные* смотрел, после собрания разговаривал с ней как-то свысока, дескать, воспользовался тобой, а теперь — отвяннай.

Нельзя предположить, чтобы он ее серьезно любил. Иначе, он так не отнесился бы...

Н. Семенов (Г.л. маст. М.Каз. ж. д.).

У НАС ПОЛОВИНА КИРЬЯНОВЫХ

... Кирьяновщина занимает, к сожалению, большое место в Комсомоле. Автор тов. Толстой, верно отметила эту черту у наших ребят. Взять хотя бы нашу ячейку завода „Динамо“, — если хочешь, я любую минуту могу напечатать название ее

„Кирьяновских“. Их будет добрая половина среди парней.

Вот Петя из нашей мастерской. Всегда он приходит, рассказывает, хвастается:

— Эх, и гулянул я сегодня с девочкой, обкрутил ее вокруг пальца...

И хохочет, гордится своим успехом.

А ребята кругом раут, Петя им молодцом кажется. Герой! Парень, дескать, на ты.

Уот, о чем нужно говорить, вот, с какими гнилыми взглядами в Комсомоле еще догадо можно бороться.

Туркин (з-д „Динамо“).

РОЗА ИНАЧЕ НЕ МОГЛА

... Разберем, из-за чего Роза сделала аборт? Среди наших комсомольских девушек вообще вообще такой взгляд установился:

— Раз ребенок, обязательно нужно бросить учебу, оставить комсомольскую работу. Связывает по рукам и ногам.

Условия, в которых живет современная рабочая молодежь, или рабфаковцы — не позволяют растить и воспитывать детей. Поэтому Роза совершенно права, что сделала аборт.

У нас в ячейке одна девушка вышла замуж. Ребят ей прокрули не давали. Теперь она бросила работу, ушла из Союза, возится дома с ребенком.

Я думаю, что этого испугалась и Роза. Она боялась связать себя по рукам и ногам и быть оторванной от своего дела и учебы.

Комсомолка (з-д им. Бакаева).

КИРЬЯНОВ ПРАВ, ОН ЛЮБИЛ РОЗУ

... Мне думается, что Кирьянов действительно любил Розу, ведь, недаром он ее вытаскивал из Глуховского уезда, не случайно же, ведь, они вместе поселили в Москву на рабфак.

Роза ошиблась, что не потыковала с Кирьяновым, как следует, о своем положении.

У него, мне думается, было серьезное намерение жениться, он сошелся с ней не на-за минутной прихоти...

Львко (М.-Курская ж. д.).

ОТЧАСТИ НЮРА, ОТЧАСТИ ДОКТОР

... Я хочу сказать о Нюре Сисоевой.

Получу в таких делах играют всегда самую скверную роль. Почему она — комсомолка, любящая свою партию, знавшая, какой опасности подвергается Роза, не только не отговорила ее, но даже не написала Кирьянову о том, что Роза собралась делать?

Теперь о докторе. Я считаю, что в таких случаях нельзя слишком формально подходить к вопросу.

— Наркомздрав, мол, не разрешил, — баста!

Ведь, врат отлично понимаю, что Роза так или иначе сделает себе аборт, только с той разницей, что он будет сделан не по всем правилам науки и гигиены. Следовательно, он сам толкнул Розу отпрыгаться к акушерке.

По-моему, нужно перестроить явесь медицинское законодательство и ввести кое-какие поправки.

М. Дмитриев (ф-ка „Свобода“).

НУЖНО БОРЬБОВАТЬ ЗА НОВОЙ БЫТ

... Больше виноваты здесь не Роза, не Кирьянов, не доктор, не Нюра Сисоева. Каждый из них в отдельности ускорил ее гибель.

Мы комсомольцы-марксисты и должны помнить, что все зависит от создающихся вокруг нас условий.

Материальные и бытовые условия, в которых живет современная молодежь, побуждают и будут побуждать еще долгое время наших ребят к таким поступкам. Это — неизбежно.

Суть не в том, чтобы осудить Розу или Кирьянова.

Они оба молоды, полны сил, и их нельзя обвинять в том, что они не устояли.

Дело в кропотливой, длительной борьбе за новые формы быта, за то, чтобы ребенок не являлся для комсомольца обузой в работе и учебе, за то, чтобы на беременную комсомолку никто не тыкал пальцами из угла, никто не шептал бы галостель за ее спиной.

Предстоит большая борьба за новую коммунистическую культуру. Только на ю этому пути, мы избавимся от тяжелой необходимости таких поступков, как поступок Розы.

Вот мое мнение.

В. Комаров (Динамо).

ОТЗЫВ О РАССКАЗЕ „РОЗА МЕЛЕВИЧ“

присланные комсомолками ЦКМФР коммуну ф-ки „Свобода“, ф-ки Москвитинской № 35 имени Коминтерна и др.,

БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ „СМЕНИ“.

ВНИМАНИЕ! Сегодня в номере „Красный Октябрь“, собрание милькружка. Повестка дня: чтение и обсуждение рассказа „Роза Мелевич“ (из 194 „Смены“)

Продвела ли твой лихкружок то, что сделали в „Красном Октябре“?

КОММУНА «ЛЕНИНСКИЙ ЗАКАЛ».

СПРАВА: нека, около которой так удобно сидеть с книжкой.

СЛЕВА: дежурная по уборке

ЛЕНИНСКИЙ ЗАКАЛ

КАК ЖИВЕТ и РАБОТАЕТ КОММУНА ВОСЬМИ КОМСОМОЛКОВ

М. ВИНТ снимки Ф. ЗУБКОВА

Это — обычная работа. Но коммуна, живя на коммунистических началах, заставляла всю фабрику говорить, перешептываться, пошептаться, подтрунивать над 8 пионерками нового быта. Да, как же они будут жить и делиться всем сообща? Старых работниц это приводит в смущение. Многие из них не верили, что коммуна будет жить.

В первый месяц Московской осени, в сентябре, по инициативе партийной и комсомольской ячейки была создана коммуна «Ленинский закал».

Восьмь. Они утверждали, что их будет больше. Надо расширить помещение, тогда можно будет показать не только одной фабрике, а целому району, как надо по настоящему жить.

После работы начали заходить на несколько минут работницы. Всякие. Старые и молодые. Заходили. Осматривали. Шупали постели. Смотрели.

Вначале поражали чистые наволочки, простыни, скатерти, пол, стены в темных обоях, скромно повешенные портреты вождей, озорливо высматривали про хозяйство. Особенно поразало, что на

долгую, холодную зиму запасены дрова, картошка и пр.

Хвалили за образцовое ведение хозяйства, за чистоту. Без всяких «подходов» говорили, что живут девицата по-человечески, как надо жить рабочему люду, и где какая-нибудь работница у себя упрекала дочку или сына в чем-нибудь она ссылаясь на восьмь славных и хороших комсомолок, что живут сообща, что учатся и сидят над га-

В ОБЫЧНОМ, большом и многоэтажном дворе по Баумановской улице № 13—15 приткнулось обшляпленное, посережшее одноэтажное здание. Там — коммуна.

Их восьмь неунывающих, смешилых комсомолок. Они работают на чулочной фабрике имени Баумана, указывают и помогают.

Фабрика — большой женский рабочий мир. 500—600 человек и почти все женщины. Редко, когда увидишь усатого мастера. Женщины. Старые и молодые. Тут свои нужды, мечты и желанья.

Есть работницы, у которых все помыслы, все часы после трудового дня уходят на «пудру», на «гулянья», на «роковую встречу» у трамвайной остановки, на чтение романов с «трагическим концом и убийством». С этими явлениями борются, указывают, дают полезные книжки, надо, ведь, на каждой отсталой работнице работать, надо войти во все мелочи этого огромного женского мира.

КОММУНА «ЛЕНИНСКИЙ ЗАКАЛ»: дежурная приспосабливает ужины

зетями, по вечерам, компании и чутко слушают читающего вслух товарища.

Входили работницы с недоверчивыми усмешками, улыбочками, думали видеть жилище вверх тормашками, грязь, равнодушие, безразличие, а оказалось, наоборот, и выходили работницы пораженные и радостные. Переговаривались.

— Не ожидала от девчат такого. Да...
— Что ж? Молодые старые учат...
— Времяжэ none другое!..

Все разговоры в таком духе. Для коммунарков открытая похвала старых работниц — лучшая похвала. Всею на этом не останавливаются, надо идти дальше, выпрямлять свой быт, устранять всякие преграды, недостатки. Собирается каждую неделю, они говорят о прошлом, говорят о настоящем и задумываются над будущим.

Коммуна не живет своим мирком, каждое решение, каждое крупное дело, каждое собрание коммуны проходит при представителе партийной ячейки и комсомольской ячейки.

Все они на активной комсомольской и советской работе. Из них: Члены бюро ячейки

РЛКСМ 3 чел.
Секретарь фабкома . . . 1
Работает в райкоме . . . 1

РЛКСМ 1
Цехорганизатор 1

Достаточно. Они очень молоды. В смеже, в работе, ту, во всем чувствуется молодость. Не у всех у них большая, пропавший пороком прошлых лет, стужа, но у всех у них, несомненно, большое желание быть хорошими людьми.

В комсомоле:
до 1921 г. 2 чел.
до 1922 1
до 1923 1
до 1924 4

Последние 4 — Ленинский набор.

Они выработали устав. Там нет лишних слов, там только указания о правилах внутреннего распорядка, о коллективном чтении, хождении в театр, о коллективных закупках. Про все сказано.

Интересно отметить, как ведется хозяйство. Цифры и факты — лучшие реанзоры. Привожу целиком двухнедельную сводку расходов:

Белье хзбс 15 руб.
Обеды (в столовой) . . . 20 . 50
Кварт. плата (за м-н) . . . 16 . 00
Прочая 15 . 00
Коллективная (билет в Кремль) . 50 . 00
Музыкальные (театр, кино, дискор и пр.) 10 . 00
Тренинг (загот. и чай) . . . 4 . 00
Билеты (свек. иекл.) 3 . 00
Член взносы 9 . 50
Взносы на покупку обуви и платья . 10 . 50
Итого . . . 153 руб. 50 коп.

Кроме того, они получили кредит на 325 руб. Купили 5 пальто, клеенчатые скатерти (практические), простыни и белье.

Получают они жалованье разное:

4 человека по 8 раз.

3 4 .

1 11 .

Работниц фабрики приводит в смущение, что одни получают больше, а другие меньше и живут давно, без всякой ссоры. Коммунарки давно позабыли, что такое собственное платье. Все — общее.

Свободным вечером все идет в какой-нибудь театр, а в воскресенье — к знакомым, в клуб. Жалуются, что времени мало у них на самообразование. Сейчас ведут учет свободного времени.

Многие будут посмеиваться, — мол, до чего доходят, что даже контролируют время. Так будут рассуждать люди, которым нечего делать, а у наших девчат

сентиментальных и лирических записей какой-нибудь прежней гимназистки.

В дневнике наших коммунарков — факты, итоги, и, к концу определенного срока, найдю проделанная работа.

Коммунарки не забывают и деревню. Они связаны с далеким и глухим селом Жабокриц Подольской губернии. Это очень и очень далеко. У самой границы, Около 1.500 верст.

Они получают письма от сельской ячейки в целом и от членов ячейки. Один из них пишет: «Здесь надо поднять работу, здесь темнота». Девушки собирают книги, газеты и отсылают в глухое село Жабокриц. Помогают, чем могут.

У них есть друзья. Одним из лучших друзей коммуны является делегат V Кон-

гресса Коминтерна, представитель Индо-Китая, тов Нюэн Ай-Квак. Он посылает им письма, открытки с «братским салютом» и просит: «Вы будите мыслить товарищами, если вышлете наши фотографические «карточки». И подписывается на ломаном русском языке:

С братским приветием: Нюэн-Ай-Квак.

Ребята смеялись от души над «грамотностью» их друга. Часто, часто они вспоминают его, темнокоржего, непокорного сына Индо-Китайской колонии. Отвечают ему.

Общая жизнь во всем — не только общий стол, общие души и мысли. Если кто загрустит, или начнет сомневаться в чем-нибудь, то приходит и говорит о потаенных думах и желаниях. Все стараются товарищю помочь, дать возможность выпрямиться, быть радостным и бодрим.

Ячейки глаз чувствуются. Без ячейки ни одно крупное дело не делается, о сомнениях, о неудачах и уда-

чах они говорят ячейке. Партийная и комсомольская ячейки — контроль.

Теперь готовят широкий политеуд над своей коммуной, над «Ленинским закладом». Верна ли их дорога, правильно ли они живут?

Эта коммуна — большой коммунистический почин. Многим надо учиться у них, как надо жить и бороться по ленински, по большевистски.

Помни! 25-го января исполняется 1-я годовщина «Смены». На пороге 2-го года редакция «Смены» шлет привет всем читателям, подписчикам и юнкора «Смены».

С новым годом, с новой энергией за дело улучшения «Смены», укреплении связи редакции с читателями и увеличения подписки на «Смену» до 100.000 экз.!!!

Группа коммунарков со своим другом, коммунистом из Индо-Китая — Нюэн-Ай-Кваком.

и так очень много работы, надо читать, работать над собой, надо поспеть за всем.

По возрастному составу летает:

4 коммунарки 17 лет.
жестянщик 18 .
2 19 .
1 22 .

А ведь каждый хочет знать больше и больше, каждый хочет прочесть все без остатка газеты.

Каждый человек в коммуне носит определенную работу.

Нер праздничатающихся, все имеют определенную работу, каждый следит за порядком. И недаром комиссия из МКРЛКСМ, посетившая коммуны «Ленинский заклад», признала, что гигиена соблюдается на все 100%.

Прожитый день заносится в дневник. Сухие и протокольные записи, они лучше

ПРОШЛОЕ БОЛЬШЕВИКА

Автобиография СЕРГЕЯ МАЛЫШЕВА (Печатается впервые). Рисовка М. ХРАПКОВСКОГО.

«Смена» обратилась с просьбой к ряду старых большевиков—дать для «Смены» материал о том, как они работали и подпольно, как становились в ряды революционной организации рабочего класса. Первым таким материалом мы печатаем очерк т. Малышева—одного из виднейших работников Советского государства,—председателя Нижегородского Ярмарка

11-ЛЕТИМ мальчиком меня привезли из Ярославской губ. в Петер и оставили в конушу за прилавком. Из-за этого прилавка весь городской мир казался мне загадочным, чрезвычайно интересным, таинственным себе. Хотя этот мой взгляд на мир сканно затемнен колотушками приказов. Это было в 1888 году.

А затем, год за годом, месяц за месяцем, день за днем, мне пришлось откликаться на жизнь и работать в ней при работе у всов, у прилавка, у товаров, у мешков, подчинялся неведомым мне — пролетарно прилавка—хозяйским интересам.

Первые проблески боевого сознания пробудились у меня именно за этим прилавком в 1889 по 1894—6-г.г. Факт за фактом пролетарно перешел мною: в 1892 г.—холера; мой мозг усиленно работал и искал ответа на вопрос; действительно ли эта холера затронута врачами, как говорили старожестунства, или она явилась еще из желудка.

Затем, в 1894 г. умер царь Александр III. Этот факт в моем юношеском сознании пролетарно чрезвычайно остро. Кроме случайных рассказов некоторых людей о варварах-царях, помещиках и генералах, я в это время уже натолкнулся на литературу этого характера.

Для обортки товаров мы покупали у дровников и кузюков газеты и книги. Разбирая эту бумагу и разрезая ее, я наткнулся на одну книжечку под каким-то совершенно новым для меня заглавием. Выглянув текст, увидел, что она написана против царя, попов и богатых.

Я списал ее глубоко в сапог и прочитал только в каюдевой, за мешком. При моей тяжелой жизни, все описанное в этой книге еще сильнее повлияло меня против царя и попов. Что-то толкало меня упорно искать причины существования или отсутствия этих варваров рода человеческого.

В день смерти царя Александра III у нас в лабке говорили, что он опился, другие — что обесился, а третьи — отравился.

Когда я в таких разговорах покупателям сказал, что, если бы он не умер, то его убил бы я и потому, что его не убил, мне казалось, что всех этих врагов трудового рабочего рода лучше уж убавить, чем докучать, пока окоплет сам.

В день смерти царя все на голове по Исавиной пошлала жалку с огугурия в лапку, на Галерею или к конушу Захарову, у которого я тогда служил. Черный траурный геральдический этот события тут же разнесло по колоде. Придя в лапку, я увидел дровников и кузюков, куда-то бегущих. Они шли принимать присягу новому царю.

У всех послеялся с мыслию, что не должно быть ни царя, ни попов, ни богатых, что и попов, и богатых, если они угнетают народ, тоже надо убавить.

Не зная ничего о вырождающих, я в волноско груди своей носил идею варвар и крайней борьбы, и стремился, когда и как не знаю, прогнать именно эти идеи в жизнь.

В 1896 г.—юношество, Хомянка, перед этим—восстановил на престо—крутость в моем сознании и настолько меня с кем-то существом отшатнулся на эти факты.

В этот момент я служил у конушы Петрова в лабке, за Невской заставой. Чтобы осуществить свои мысли, идюно, вступил в лабке, чтобы сделаться независимым человеком. Зная какою-либо ремеслом, можно будо свободно осуществлять свои желания. Поступая на завод и учусь ремеслу. Надеюсь было, подобно всем мастеровым, свободным человеком.

Председатель Нижегородского Ярмарочного Комитета—С. Малышев.

Когда я беседовал со своим отцом, таким же, как я, пролетарием, по вопросу о перемене моей службы, он, возмущаясь, говорила мне:

—Ты, ведь, один сын у меня, дочка, как и я, быть торговцем, служить хорошо хозяину, выходящим в люди, быть прилавком, а ты, может быть, и свое дело завелешь. К мастерошине тебе тутнуться нечего.

И он мне показывал, как мастерами являются пыльные на улице.

—Вон,—говорию мне,—мастерова была, видишь, и ты будешь таким же.

Я продолжал интересоваться рабочей жизнью, мне подвизнулся мой родственник, старый пролетарий, товарищ,—дел Тареев, и с его помощью я поступил в Обзугу.

Машины, станки, колоссальное движение, большое число рабочих, все это еще сильнее порозило меня, крутимо мое сознание, толкало все больше и больше к знанию, науке...

Первые проблески боевого сознания стали уже оформляться у меня в определенную систему, хотя трудно сказать, чтобы это была именно система массовой борьбы, разработанная в общем планоном порядке. Мне казалось, что ежели я буду таким же, в своей лабке, заводским рабочим, то, слышав с ними, буду чувствовать себя в этой слабой, страшной для всех, семье неопределенным,

и вместе с ними ставлю бороться, выносить удары врагу, побеждать...
Читаю учебник для третьего года Женской сельской школы было трудно. Застряла Обзугуская школа была единственной выходом, а затем уже можно было вступить в борьбу с врагами всего большого народа, — там духа я тогда.

РАБОЧЕЕ время тогда было, и мало, и много, около трех третей суток. Первый заводский санкт-разносива по рабочим районам в пятерное шестого утра. Затем, был в четверг шесть—второй и потом—третий, последний—в субботу часов утра. Санкт-ок окончанию вечерних работ, лабо, помимо я, на Митрофановской и др. фабриках, в восемь часов веч. Кроме этого, через день, работали ночью и пополу, так что выходило из 48 рабочих дней в месяц этого тяжелого нечеловеческого труда.

Мы часто смеялись «скопомм изречением»—48 дней—18 рублев.

При таком трудовом подвизну простоянно хватало времени только на то, чтобы заскать в трактир, выпить как следует, а затем, олакурившись, лежать где-нибудь в кияне: в 1898—99-г.г. мы целой группой с рабочим старательным пробивались к школе, к знанию, к оформлению своих стремлений к борьбе. В это время мы, кроме школы, объединенные в кружки, стали уже агазяться в оаонопае оае, хотя наше объединение в кружки вначале именно целью лишь—саморазвитие.

Я не помню своей роли в этой организации, перие, никакой роли у меня тогда не было. Мои желания шав в усиленной читке книг, но больше всего в распространении литературы, в разбрасывании листовок, в вербовке новых членов в кружок.

Как мы вошли в партию? Этого я не помню. Вероятно, мы и не входили, а это разумнее само собой. Нам не было видно, в какой партии мы принадлежим. С нами тогда в эти моменты никто не толкался.

Мы знали, что есть группа Рабочее Дело», после чего слышала «Юный Союз», иногда говорилось о «Группе Рабочее Дело».

Иногда мы вступали в стадию высшей ячейки, в кружки рабочих Невского района; пока же мы были масовыми кружковыми участниками, об этом с нами не разговаривали. Что же нас толкало на работу? Помимо рабочие лекции, первые беседы. В них говорили, прежде всего, о том, как держать себя из допроса.

И, помимо, руководители наших организаций набрасывали и иллюстрировали нам целый ряд фактов, как вести себя у жандармов на допросах. Нам указывали на то, что мы сразу не сможем сооразить, что думать и на чем, допит вас жандарм. А они о чем думают и чувствуют?

Наговорите им всякого, что потом только запустете. Они нас после на этот сюжет, а потом, сами не заметите, как залезете в тяжелое положение, выпустите из которого будет уже трудно.

Значит, если мы не хотим быть напуганты на допросе жандармам совершенно категорически, что вы ни на какую тему не желаете с ними разговаривать, ибо ничего из того, что они говорят, не знаете. Так мы, твердо и уверенно, и решив действовать на допросе, если кто-либо из нас попадает в лапы к жандармам.
В кружковых занятиях нам читали брошюры, разбирали их, а затем приступали к подготовке лекции и плакатерной работе по борьбе...

развитию. Впоследствии одним из самых популярных занятий кружка — была «интервью Эрстедта» в програвации. Сколько моментов можно привести из того славного партийного прошлого!

Однажды сидим мы в дер. Муравинке и ждем прогнаниста. У нас тогда часто провад помощников организаторов на обязанности которого ждало встретить прогнаниста и незаметно провести в условное место. Помню, как по установленному знаку и овредела, сошедшую с конки, у карточной фабрики делушки в платок, и пошел за ней фатов на расстоянии 50—70 сажень. Один из негодоватов по дороге стал приставать к ней.

Как? Эту учительницу, которая приближается к нам с великим «серьезностью прогнаниста» борьбы оскорбляет? Все потемнело в глазах, индиглированная выдержка разлетелась вразбег, а подсочки к этому типу и по методу, преподающему мне кулачным боим, залезла ему в ухо. Тин в миг поделет в каву.

Прогнаниста бросался к Муравинке, а я опять встал на 50 — 70-саженное расстояние и направился за ней. После в кружке товарищи и сама левина много смеялась над этим.

В конце 19 века — укрепились организации, объединения, классные ячейки для борьбы с врагами трудового народа. А перед днем прогнаниста праздника я мая все эти ячейки были освобождены лишь тем, чтобы выехать фабрики и заводы на борьбу, может быть, не окончательную, может быть, только на демонстрацию борьбы, но во что бы то ни стало вызвать Ячейки работали дни и ночи и, действительно, организовали и подготовили на Невском такую демонстрацию, что полиция и жандармам было над чем поработать.

Вот вам забастовочное движение 1900, 1901 г.г. Громадная смена стачка обуховцев, прервавшаяся в обуховскую бойню. Небольшой текстильный кружок большевиков, одухотворенный одной живой мыслью и желанием скорее покончить на борьбу всю трудовую семью. Сама эта группа активно была на передовых позициях.

Славная победа над жандармами, ранение жандармского полковника Поляндия, это фактическое истребление холопов царского строя провозглашено не оружием, не бомбами и не революционером, которых у нас даже не было, а просто кинжальми.

Это дало нам такой моральное удовлетворение, что мы готовы были идти на какую угодно катуру.

В эти годы партии, как таковая, стала уже оформляться в единую боевую организацию всего революционного рабочего класса России.

III

ЗУБЯТОВ со своей гласнописной начала выступил на рабочих собраниях пролетарских районов и в обществах. Мы ясно чувствовали, что царское правительство хочет во что бы то ни стало преодолеть наш свирепый, в ряде новых организаций, которая была бы «истинно рабочей».

На досрках жандармы говорили нам, что «вот вы стремитесь свергнуть царя, но вы сами должны понять, что из этого свержения для вас не будет

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ ХУДОЖНИКА ДЕНИ

«Ехал на ярмарку ухарь-кумеч».

№ 1 «СМЕНА»
ВЫИДЕТ К
ЛЕНИНСКИМ ДНЯМ
и посвящается памяти
Владимира Ильича ЛЕНИНА и
Карла ЛИБКНЕХТА.

Вождем германского пролетариата и организатором Компартии Германии. КАРЛ ЛИБКНЕХТ.

ничего хорошего, потому что у власти будут они те, которые без эксплоатации не могут выстоять». При этом они указывали на революцию Западной Европы.

В Петербургском жандармском управлении, куда я был приведен в предармии, как первый раз сидевший, после продолжительной беседы, меня спросил, кажется, полковник Бабушкин:

— А вы знаете нашего тезку?

Я навострил уши, прислушался, — какого такого тезку? Не знаю, — говорю, — о ком вы говорите.

— Ну, так сейчас вы его увидите, — ответил полковник. И в этот момент влетел в кабинет жандармского полковника господин среднего роста, средней обимности, остроглазый, юркий. Почти двумя пальчиками он держал легкий портфель, который бросил на угол стола, где я сидел. Сел рядом и начал вглядываться в мое лицо. Несколько раз постучав пальцами по столу, бросил пару слов жандарму, еще раз взглянул на меня, поднялся и ушел. Ни слова не сказал мне и ни слова не спросил у меня.

Когда он ушел, полковник спросил у меня знаю ли я, кто это был.

Я ответил, что не знаю. Тогда он сказал:

— Ведь, это ваш тезка, Сергей Васильевич Зубатов.

Нас в кружках учили, чтобы мы в жандармов своего образования не проявляли и старались прикидываться по возможности или неграмотными или полуграмотными. Мне, более чем кому-либо, удалось исполнить этот первый завет партии. На досрках, при писании протокола, я и так малограмотный, да еще стремился выполнить этот завет, сильно раздражая, помимо, прокурора Зубовского. Это даже закричал на меня.

Какой ли к чорту толкита, когда даже мою диктовку не можете писать грамотно и вполноте не знаете, как поставить!

Я виновато посмотрел на него и сказал вид, что, действительно, к политике не годюсь. После этого меня, очевидно, он так и охарактеризовал.

Объединенная из отдельных молодых дескочек в большую дружеский лес, укрепленная партия шла усидно и шибко ввысь и ширь. С людьми делались эти боевые пролетарская сила крепла, множилась и росла.

Вышла книжка Ильича «Что делать?», эта книжка была настолько интересна для нас, что мы буквально зачитывались ею, изучались в каждом слове, старались понять его и так, и этак, и еще как-нибудь.

НЕ ЗАБЫЛИ ЛИ ТЫ, ЧТО
ИСТЕКАЕТ СРОК ВОЗМОЖНО-
ВАЕНИЯ ПОДПИСКИ НА
«СМЕНУ» в 1925 году?

Пролетарская жизнь Питера и других городов принимала все более и более боевой характер под руководством партии.

Не было случая, чтобы какое-нибудь революционное движение, забастовка, протест, какое бы то ни было выступление проходило без участия и не под руководством нашей партии.

Помню, когда в 1902 г. в предармии было около 500 человек с женским отделением; мы начали бунтовать и обвиняя голодую; тогда именно старики товарищи большевики, организаторы и руководители этой борьбы, давали нам леуэти не только ежесидно, но и ежесидно.

Творная борьба закончилась тем, что нас 50 человек перевели в одиночную тюрьму в Выборгской и там, спустя недолго, и били и до и от сум с рт, некоторым поломали ребра, выбили зубы, и больше всего обьемом этих избиваний были мы, большевики. Помню, сред нас в подавляе ждал Михаил Иванович Калинин, Чомарев, Корчешский и др.

Говорили, что это колоссальное избиение было проведено при ближайшем участии тогдашнего министра Плеве, который во все время избиения был у нас в тюрьме. Насколько это верно, сейчас не знаю, но этот факт был возможен, ибо, пока мы сидели в предармительной тюрьме, к нам приезжали верховные персоны — князья, и министры, которые старались вынуждать в губную нашу бунтовое поведение. Факт был настолько градолюди, что сам Плеве, возможно, решил расчитаться, как следует, с нами, большевиками.

В 1903 г. уже после нашего освобождения из тюрьмы, я участвовал в Одессе во всеобщей забастовке. Зубатовские вожди стремились начатую имен забастовку прервать в экономическую. Стреляли все больше и больше разгрозилась. И когда мы с рабочими и матросами сами из гавани пришли к домишку Шаевича (ны Перескин), он начал лепетать о том, чтобы вылезе движение не принимая такого бунтовного характера, чтоб удержаться от таких грандиозных демонстраций.

Наша ребята — большевики бросали ему грозные слова: провокатор! изменник! негодник! И отсутствия в него парой камней. Шаевич спрятался.

А многоголосная толпа наша пошла, кружилась и двигалась, по всей Одессе, по всем законам, на Давынке развилась не на один десяток тысяч людей. К вечеру стачка с жандармами, целый ряд осложнений для властей...

ТАК и все последующие годы пролетарская боевая партия большевиков во всем революционном движении стояла вперед на всех политических и экономических баррикадах пролетариата. Теперь сам по праву руководит управлением Рабоче-Крестьянского Государства.

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ ХУДОЖНИКА МЕЛЬНИКОВА:

«Будет нам не будет, учебник Нижегородская ярмарка в этом году».

О ХЛЕБЕ, СИТЦЕ И ЧЕРВОНЦЕ

ИТОГИ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД

А. БРЮХАНОВ

Каждый комсомолец, каждый рабочий подросток должен знать и то, как восстанавливается разрушенное хозяйство нашей страны. — Цифры роста основных отраслей промышленности за последний год. — Год назой не переживали мировой кризис. — Каким образом удалось «обойтись без нефти». — Смычки города с деревней — первый шаг Ильича. — Городские товары крестьянину. — Твердая дыбка. — Большевики умеют управлять хозяйством СССР.

СЕГОДНЯ Мы толкуем о том, что в основном достигнуто за истекший 1924 год.

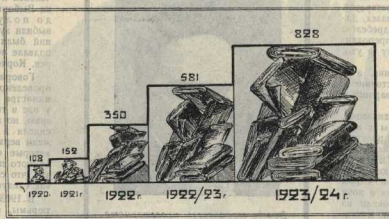
Состояние нашей промышленности (заводов, фабрик и пр.) обычно сравнивают с тем, как обстояло дело до войны и революции в той же промышленности.

При таком сравнении, мы можем считать нашу промышленность восстановленной, к началу настоящего года, приблизительно на половину довоенного уровня *).

Наша крупная промышленность имеет 478 трестов, которые, по предварительным данным, выработали за этот год 1 миллиард 485 миллионов рублей по довоенным ценам. Выработка в этом году на 335 мил. рублей больше прошлогодней, стало быть, в общей сложности мы имеем прирост в выработке против прошлого года на 1/4.

Чтобы судить о росте производства, возьмем 3 основных отрасли: текстильную, металлическую и каменно-угольную промышленность. По ним можно судить о направлении развития хозяйства страны.

В текстильной промышленности первое место принадлежит выработке хлопчатобумажных тканей. До войны в России, в среднем, на каждую душу населения приходилось от 25 до 27 аршин ситца в год. Сейчас мы выработаем на одну душу от 12 до 13 аршин ситца. Это очень немного, а если сравнить с

ВЫРАБОТКА ГОТОВЫХ ТКАНЕЙ хлопчатобумажной промышленности в миллионах метров.

европейскими государствами, где на душу населения производится по 50 аршин ситца, то наша выработка окажется совсем мизерной.

Однако, если сравнить нынешнее положение с положением, которое мы имели в 1920 г., когда фабрики наши стояли за отсутствием топлива и сырья и, вместо довоенных 20 аршин ситца, выработали один аршин на душу, то выйдет, что за 3 года, которые прошли с тех пор, как хозяйство пошло на подъем, мы сделали громадные успехи.

По рисунку можно судить о том, как восстанавливалось хлопчатобумажное производство в 1920 г.

В прошлом году мы выработали 581 мил. метров. В истекшем году производство увеличилось до 828 мил. метров. А на будущий год мы предполагаем выработать уже 1300 мил. метров, что составит половину довоенного производства.

текстильных товаров, что они ему теперь больше по карману.

ПОСМОТРИМ, как обстоит дело с металлом?

Что такое металлическая промышленность? Это — выплавка чугуна, производство стали, железа, прокатка металла, производство машин, орудий, паровозов, рельс и т. д. Если развистая металлургия, если металл потребляется все в большем и большем количестве, значит, начинает восстанавливаться оловянная корка нашей промышленности, изношенные машины заменяются новыми, новые машины идут на смену старым.

Владимир Ильич придавал восстановлению металлопромышленности огромное значение. Он писал:

„Без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления, ни не сможем построить никакой промышленности, без нее же мы вообще погибнем как самостоятельная страна“.

Восстанавливать металлпромышленность труднее всего. Вследствие мировой гражданской войны она дальше других отраслей откатилась назад. Для своего восстановления она требует значительных затрат.

Рост производства чугуна можно видеть из приводимой ниже схем. В истекшем году нами выплавлено 40 миллионов пудов чугуна. Цифра крайне небольшая и составляет всего 1/3 часть довоенной выплавки. На будущий год намечено увеличение до 60 мил. пудов.

В будущем году металлпромышленность получает от государства субсидию в 40 миллионов рублей. Мы идем на удешевление металлических изделий, чтобы помочь деревне, которая обнищала за время войны.

Уголь в 1921 г. давал всего 1/3 часть довоенной добычи. Фабрики и заводы останавливались из-за недостатка угля. В истекшем году рабочие так дружно навалили на производство, что в отно-

* К началу новой экономической политики, весной 1921 г., общая выработка всей нашей промышленности равнялась 18%, довоенной.

ВЫПЛАВКА ЧУГУНА в миллионах пудов за 1920—1924.

шения угля мы даже перемкнули через первоначальную пятилетнюю программу, и угольная промышленность дала половину довоенной добычи (около 53%!).

В угле у нас образовались даже излишки, которые мы не сможем сейчас сразу употребить на наших железных дорогах, фабриках и заводах. Вот, почему на будущий год придется даже несколько тормозить развитие добычи, чтобы прийти в соответствие с потребностью страны в угле. Поэтому на будущий год намечено к добыче только 934 мил. пудов угля, всего немногим больше добычи этого года.

Год назад Советское хозяйство испытывало большие затруднения. Наши товары были в высокой цене, а то же время цены на хлеб и другие продукты сельского хозяйства установились чрезвычайно низкие.

В октябре прошлого года это несоответствие достигло таких размеров, что за пуд хлеба стали давать только один аршин ситна, в то время как до войны давали 6¹/₂ аршина. Промышленные и сельскохозяйственные цены разнились, как развинченные концы «ножниц».

Крестьянин, продавая хлеб по невысказанно низкой цене, оказался не в состоянии покупать наши товары. Вследствие этого, кое-какие товары застряли у нас на складах. Промышленность сидела с товарами и не могла расплатиться по своим долгам, а крестьянин сидел без необходимых ему городских изделий и не мог их купить.

В сентябре и октябре на рынке разразился настоящий кризис. Количество продаж государственных органов сразу резко сократилось. Разорилось несколько мелких предприятий. Обороты Московской Товарной Биржи. Коллапс оказался прямо в плачевном положении.

Цены на хлеб упали почти, что в результате хороших урожаев 1922 и 193 г. в стране оказалось много хлеба. Образовались излишки, которые не находили себе сбыта. Эти излишки стали давить на хлебные цены и поэтому хлебные цены упали.

«В чем же дело? Разве мы собрали больше хлеба, чем до войны? Нет, хлеба до войны собирали значительно больше. Разница заключалась в том, что до войны излишки в количестве свыше 700 мил. пудов ежегодно вывозились за границу. Россия своим хлебом кормила Европу. Благодаря тому, что хлеб вывозили, цены внутри страны всегда стояли крепкие.

Мы поставили своей задачей восстановить вывоз хлеба за границу, хлебный экспорт (вывоз) — в первую очередь на русский язык означает вывоз). За год, с октября 1923 г. по октябрь этого года, удалось вывезти около 200 миллионов пудов. По мере вывоза повышались хлебные цены.

Появление хлеба в вывозе оздоровило нашу внешнюю торговлю. Обороты внешней торговли в этом году возросли против прошлого года в два раза. Если рассчитать ввоз и вывоз этого года по современным ценам, то ввоз составит, по предварительным данным, за 11 месяцев — 190 миллионов рублей, а вывоз — 430 миллионов и превысит ввоз на сумму в 140 миллионов руб. Эта разница

Один из плакатов, выпущенных после перехода на твердую валюту

в 140 миллионов рублей показывает, что в истекшем году мы во внешней торговле сводим концы с концами в свою пользу и получаем для нашего Союза Республик, так называемый, активный торговый баланс.

Кризис с «ножницами» был экземеом нашему умению управлять хозяйством страны. С этим экземеом мы справились. С задачей вывоза хлеба мы справились. Другая наша задача состояла в том, чтобы приблизить городские товары к крестьянину, сделать их для крестьянина доступными. Мы дали приказ: снизить цены трестам и фабрикам, не гоняться за увеличением количества товаров, а гоняться за сбытом, за продажей товаров крестьянину.

В октябре, в момент самого большого раствора «ножниц», наши промышленные товары стояли на рынке в три с лишним раза дороже, чем сельско-хозяйственные. Благодаря организованным мероприятиям, «ножницы» удалось сжать. Теперь их раствор уменьшен более, чем в два раза.

К весне 1924 в торговле сменился озноженением.

Осенью «ножницы» явились для нас повторно серьезным экземеом. Осенью нас едва не захлестнула рыночная стихия. Положение было угрожающим. «Ножницы» утвердись в самую основу нашей власти — в смычку рабочих и крестьян. Тот факт, что мы из этого тяжелого

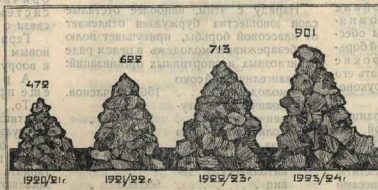
положения выбрались, показывает, что мы умеем управлять винтами и колесами всей экономической жизни Советской страны.

Но все эти достижения были бы построены на песке без успешно проведенной денежной реформы. Твердые деньги, которые мы имеем с весны этого года, являются нашим величайшим достижением. В течение 10 лет денежное обращение в нашей стране было разрушено. У нас были падающие бумажные деньги, при которых нельзя было вести сколько-нибудь правильного хозяйства. Теперь мы ввели твердую валюту. Успех, с которым мы этого достигли, был подготовлен благодаря тому, что вследствие трех лет усиленной работы мы укрепили все наше хозяйственное положение, увеличили производство товаров, расширили торговлю и товарооборот и повысили государственные доходы настолько, что в выпуск бумажных денег, к которому прибегало государство, чтобы оплатить свои расходы, перестать быть необходимым.

От денежной реформы в первую голову выгадали крестьяне.

200—300 миллионов рублей, которые крестьянин терял на плохих деньгах, на их падении, теперь остаются у него в кармане и он предвзывает к нам такой спрос, что наша промышленность полностью уже не в состоянии его удовлетворить. Ровно год назад у нас в стране в обращении было 264 миллиона рублей. Теперь у нас в обращении 686 миллионов рублей, т.е. обращение денег в стране увеличилось в два с половиной раза, при чем покупательная сила червонца не упала, а крепко держится прежнего уровня.

В 1924 г. большевистская партия доказала, что она верно и крепко руководит делом восстановления хозяйства СССР. Рост промышленности, удешевление товара для деревни, твердая денга, — красноречиво говорят об этом на весь мир.

РОСТ ДОБЫЧИ УГЛЯ по годам в миллионах пудов

КТО ПРОТИВ КОМИНТЕРНА МОЛОДЕЖИ

А. МИЛЬЧАКОВ, член русской делегации в Исполкоме КИМа

Члены «Союза Молодой Германии» во время тяжелых беспродных подержали монархиста Гитлера.

В решающих боях на Западе сие предост. Были лишь первые серьезные атаки, отбитые буржуазией, первая серьезная проба сил, показавшая, что пролетариат еще не в силах свергнуть буржуазию, а буржуазия им этого и не в силах сбросить со счетов пролетариат.

Решающих боев не было, хотя бы потому, что не было массовых, действительных большевистских партий, способных привести пролетариат к диктатуре.

(Статья — К международному положению).

В РЕВОЛЮЦИОННОЙ борьбе рабочего класса за свое господство КИМ играет далеко не последнюю роль. В пробных схватках пролетариата с буржуазией, разыгравшихся в Италии, Германии, Болгарии коммунистическая молодежь шла нога в ногу с воставшими рабочими, с коммунистической партией.

КИМ и его союзы, вместе с рабочим классом, переживают все трудности и препятствия, стоящие на пути пролетариата к власти. Для того, чтобы обеспечить успех пролетарского дела, нужно выковать и закалить в борьбе стойкие и большевистские кадры Коминтерна и КИМа. Для того, чтобы обеспечить успешность революционной борьбы, нужно проникнуть в широкие и массы пролетариата, завоевать его симпатии, тесно связать его с руководящей партией.

Но на пути к массам лежат траншеи и окопы, раскинутые враждебной нам буржуазией и ее лакеями — социал-демократии.

Эти траншеи и окопы надо осадить, обстрелять, разоблачить перед массами подлинную рожу врага, отвоинать у него окованную рабочую молодежь.

В Германии мы имеем наибольшую пестроту укреплений буржуазии в массах молодежи; здесь комсомол должен особенно энергично, буквально бесшумным темпом, начать борьбу с врагами КИМа.

Буржуазия противопоставила нам добрую полудюжину политических юнхосских организаций:

- 1) Социалистический союз молодежи 2.000 членов
- 2) Союз социалистической рабочей молодежи 65.000 членов
- 3) Национальный союз германской молодежи 60.000 членов
- 4) Союз «Молодой Германии» 150.000 членов
- 5) Немецкий демократический союз молодежи 20.000 членов
- 6) Союз молодежи немецкой народной партии 40.000 членов

Итого: 337.000 членов.

Наряду с этим, наиболее острые слои юности буржуазия отлекает от массовой борьбы, притупляет волю и обезвреживает молодежь в целом ряд религиозных и спортивных организаций:

- 1) Евангелический союз молодежи 156.000 членов.
- 2) Католическое студенчество 25.000 членов.
- 3) Католический союз мол. людей 400.000 членов.
- 4) Центральный союз католических девиц 600.000 членов.

Итого: 1.181.000 членов.

В буржуазных же, спортивных и бойскаутических организациях насчитывается приблизительно — 1.540.000 членов. Это в одной стране — в Германии. Ясно само собой, что эти цифры и эти нули не должны наводить на нас ужас или «связанный трепет». Эти организации построены на треске, Молодежь вовлечена в них обманом. Развал их неизбежен. Но КИМ и его союзы должны этот развал ускорить. Ибо, без разложения этих организаций, без неустанной борьбы с ними, широкие массы рабочей молодежи завоевать будет трудно, а местами и почти невозможно.

Одна из лучших секций КИМа — Германский Комсомол, — после неудач революционных выступлений в конце прошлого года значительно ослаб, сократился. Германский Комсомол, разбитый в очень трудной обстановке, насчитывает в своих рядах около 31.000 членов. За последние месяцы он усилил свою деятельность во всех отношениях. Он раньше других союзов перешел на фабрично-заводскую ячейковую систему и закрепляет теперь свои связи с пролетарской молодежью.

Германский Комсомол готовится к новым боям, учитывая прошлый опыт и вооружаясь оружием большевизма.

А решающие бои на Западе еще предстоят. То, что было — это только пробные схватки. Как бы ни маскировалась буржуазия, в какие бы «демократические» одежды она ни одевалась, она идет к гибели, она и сейчас продвигается во всем мире к распаду, ее кадры закаляются и вооружаются еще большей ненавистью к врагу в подготовительных боях.

КОГДА ЛЕНИН БОЛЕЛ...

ГЛАВА ИЗ ГОТОВЯЩЕЙСЯ К ПЕЧАТИ НОВОЙ КНИГИ «ДЕТИ И ЛЕНИН»

И. ЛИН, снимок Ф. ЗУБЕКОВА © ОМАНСКИЙ А.

В ДОМЕ КРЕМЛЕВСКОМ, где жил Ильич,—в доме том школа. Тут с Рядом почти с комнатой Ильича была.

Школьники-ребята, школьницы-девочки Ильича в коридоре часто встречали. Ильич школьникам улыбался, глядя по толковке. Часами целыми школьнички утром Ильича у его дверей поджидали.

— Когда же он пойдет в Совнарком? Любила дети школьнички с Ильичем побегать, поиграть.

В дневнике школьническом запись грустная, запись пасмурная недавно появилась.

Тышина...
Вот листок:
В нем написано:

20 февраля

Сидеть тихо, ходить на цыпочках, говорить шепотом.

На общем собрании детей руководителя объяснила, будто в соседней половине проведен радио к Владимиру Ильичу, и туда идут важные известия из-за границы.

Дети слушали. Сидели тихо.
Чувствовали дети что-то, понимали, но не знали...

А...

14 марта

Учительница детей подозвала, спросила:

— Помните, когда мы говорили о том, чтобы было тихо, так тихо, будто бы у нас за стеной тяжелый больной.— Не слышали ли вы дома, что кто-то заболел.

— Кто же?
— Ленин...

14 марта

*товарищ Ленин
вождь рабочих
ильич заболел. Мы
будем соблюдать
тишину, чтобы не было
мать дяде Володе.
Нам жалко дядю
Володу: он болеет.
Кой-шурра.
Нет-грамота.*

*товарищ Ленин
много работал.
Менюков*

Или пошел шепотом тихий разговор.

— У него два доктора и сестра!

— Нет, он вовсе не так уж болен. Мне мама говорила. Я знаю дядю Володу, мы с ним на даче летом жили.

— А кто Ленин?
— Он главный управляющий.
— Нет—он вождь.
— А что это за слово?
— Эх ты, грамотей, это от слова «ведет». Народ к добру ведет.

Миша Семенов поясняет.

— Он ведет за собой народ. Он теперь вместо царя.

— Не-е-е-т, тут есть разница. Володя, где твои мама служит?

В Совете Народных Комиссаров. Ленин там главным председателем.

— Ага! Значит у них Совет, они совещаются между собой по всякому делу?

Я и Ленин

Когда я учился в Кремле на протяжении лета познакомился Ильичем и с его работницей к маме.

Помню: мы вместе ходили в сад за теми яблоками, которые он любил есть. И я и работница к маме. Мы с друзьями в эти теплые вечера всегда ходили в сад. И я и работница к маме. Мы с друзьями в эти теплые вечера всегда ходили в сад. И я и работница к маме.

Я и Ленин—сочинение школьнички Н. Рыковой.

— А один человек может сделать, что захочет?

— Нет, не может...

— А царь мог сделать это?

— Моги!

— Как же лучше, Советом или одним человеком?

— Лучше Советом...

— А откуда взялись Советы?

— Их выбрал народ, а потом могут выбирать других.

— Если Ленин не может управлять в Совете, то без него дело станет...

И долго спорили до звонка-урока.

На большой перемене ребята-школьнички собрались, и опять—разговор:

— Ленин больной. Нам жалко...

— Письмо ему написать бы от нас.

— Кому писать, кто писать будет?

Спор и шум.

— Т-сс. Тише ребята...

Пиши на доске Витя!

Что ни слово, то митинг...

— Как лучше написать: Ленин, или товарищ Ленин болен?

— А как его зовут рабочие?

Товарищ Ленин.

— Пиши ребята: Товарищ Ленин,

вождь рабочих, сильно заболел. Мы

будем соблюдать тишину, чтобы не мешать

дяде Володе. Тов. Ленин много

работал*.

Н. Рыкова из нулевой группы 1-й школы 1-й ступени имени ВЦИК.

На другой день 15 марта

Газету принесла учительница «Известий». В той газете портрет Ленина над бюллетенем о здоровье.

Ребята обступили, прочитали.

Лида Новикова вырезала портрет, на черную бумагу наклеила и повесила на стенку.

Тояя корабль нарисовал и кораблю имя дал «Ленин».

Апреля месяца, день второй

Учительница газету принесла.

О газете разговор пошел такой:

— Вот мы писали, что нам жалко дядю Володу, он больной, и мы будем соблюдать тишину, чтобы ему не мешать...

Витя Ширяев—сердито:

— Да, когда пишем, так жалко, а когда бегаем, так забываем, тогда не жалко...

В газете было напечатано письмо других детей.

— Хотите я и вам прочитаю?

— Хотим!

— Тише!

Витяка Леонтьев кричит:

— Тетя, я напишу тоже т. Ленину письмо.

— Ну, да ты и писать не умеешь.

— Мне сестра напишет.

— Давайте, мы все напишем.

— Давайте пошлем ему хорошее картиночку...

А после обеда в классе ребята собрались.

Кости взобрался на скамью предложил: «Тов. Ленин, мы шлем Вам письмо из О.р.б. 1-й Кремлевской школы при ВЦИК*».

— Нет, ребята. Пиши: «Мы шлем Вам письмо, тов. Ленин»...

— Пиши, от всей Кремлевской школы!»

— А ты справился у всех? Хотят они писать или нет?

— Ну, а наша группа «б» вся хочет, мы и будем писать».

Вера Брусова говорит:

— Напишите: «Милый дядя Волода, скорее выздоравливайте!».

Ребятишкам предложение Брусовой понравилось, глаза заблестели.

То писали письмо близкому, щепиному Ленину—товарищу.

* Книга И. Лина «Ленин и Ленин» выйдет скоро в издании «Молодой Гвардии».

ПРОТИВ ТРОЦКИЗМА

ПОЧЕМУ ПАРТИЯ и РЛКСМ ЕДИНОДУШНО ОСУЖДАЮТ ОШИБКИ Тов. ТРОЦКОГО? ЕН АВАЛТ

В. КАСИМЕНКО. Снимки Ф. ЗУБКОВА

в руках партии было могущественнейшее орудие — учение Ленина.

Ленин строил партию большевиков десятилетиями. Задолго до 17 года он начал собирать под большевистское знамя

тания они вносили в партию, тянули ее с трудного пути революционной борьбы в спокойное болото соглашения с буржуазией, примирения с ней.

20 лет тому назад на II съезде партии эти 2 течения в партии раскололись. Ленин, собрав вокруг себя до конца стойкую часть партии, стал строить большевистскую партию. Против него встала другая новая партия — партия меньшевиков.

ПЕРВОЕ ПОКОЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ:
старик-партиец.

ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ: молодой член РЛП.

ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ: один из миллиона
Ленинских рабочих.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ партия сильнее, чем, что она глубочайшими корнями ушла в рабоче-крестьянские массы и связана с ними неразрывными узами. Коммунистическая партия сильна тем, что она состоит из отборных бойцов, не знающих колебаний и шатаний в борьбе за коммунизм; тем, что она представляет из себя стальной отряд, скovanый железной дисциплиной, беззаветной преданностью делу трудящихся.

Но коммунистическая партия смогла повести рабочих и крестьян в Октябрь, победить в Октябре, отразить бешеный натиск всего капиталистического мира на Республику Советов, вывести ее из гражданской войны, голода и разрухи — только потому, что у руля партии стоял такой гениальный вождь, как Ленин. Только потому, что

все лучше, непоколебимое, до конца преданное Революции, что был ряд трудящихся, и создал стальною могучую партию — Российскую Коммунистическую партию большевиков.

Не легко было создавать эту партию. Все смелое, живое, честное было загнано царизмом в подполье. Тюрьма и каторга, нагайка и плеть, виселица и расстрелы ожидали тех, кто боролся за дело освобождения трудящихся. В этих условиях только наиболее крепкие борцы не гибли спиной перед царизмом и продолжали вести с ним борьбу не на жизнь, а на смерть. А шаткие и неустойчивые искали путей отступления. Хотели найти такую дорожку, которая вела бы без боя, без жертв, без опасностей. И свои ша-

Раскол произошел по незначительному с первого взгляда вопросу: кому надо считать членом партии. Большевики говорили, что членом партии можно считать только того, кто делом доказал свою готовность служить делу революции, кто вошел и работает в подпольной боевой партийной организации. Меньшевики были за большую мягкость и говорили, что не нужно отталкивать от партии профессоров и гимназистов, «сочувствующих» Революции, нужно и их считать членами партии.

Но на самом деле за этим спором скрывались два совсем разных понятия о партии. По Ленинскому понятию партия должна была быть закаленным стальным отрядом борцов, который только и сможет выдержать суровую жестокую борьбу. По меньшевистскому понятию партия могла входить и не бойцы и сама партия могла быть рыхлой. В связанной тесной суровой дисциплиной.

Понятно, что такая партия, какую создавали меньшевики, не устояла бы перед трудностями борьбы, быстро отступила бы и предала Революцию.

Теперь только, после 17 года, — мы можем полно оценить: насколько далеко вперед видел Ильич: уже во время войны 14 года меньшевики заключили прямой союз с буржуазией и поставили свою партию на службе ей, а в октябре 17 года — отдали все свои силы на яростную борьбу с рабочими и крестьянами, на защиту буржуазии.

НО ТОЛЬКО ДО Революции не всем было видно, что меньшевики — контр-революционная партия. Тогда они, прикрываясь названием рабочей партии,

ЧЕТВЕРТОЕ ПОКОЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ: «Смена — смена» — юный пионер.

разговаривали, что и они „за социализм“, вносили путаницу в ряды рабочего класса, расстреливали их.

Этим и были особенно опасны меньшевики. Далеко не так так опасны были прямые враги Революции — помещики, фабриканты, офицерство — ведь любой рабочий и крестьянин чувствовал в них врага.

А меньшевики отравляли рабочий класс изнутри, незаметно оттягивали его от Революционной борьбы, незаметно втаскивали в тину соглашательства.

Потому Ильич все свои силы отдавал на борьбу с меньшевизмом, не устануо разясляя его вред рабочим массам. Поэтому так и крепка большевистская партия, воспитанная Ильичем на борьбе с меньшевиками — в ее рядах скопились борцы, не знающие колебаний и шатаний, выросшие на борьбе со всеми соглашательскими течениями.

БОЛЬШЕВИКИ и меньшевики совершенно по разному представляли себе характер революции в России. Большевики добивались не полной победы рабочего класса, а уютного теплого парламентского строя.

Они считали, что в России рабочий класс так мал, Россия так отстала от Запада, что не следовало и думать о такой Революции, которая привела бы к победе рабочего класса. Они считали, что в России должна будет произойти такая Революция, которая поставит у власти буржуазию. И поэтому они звали рабочий класс не ставить перед собой „неосуществимых задач“, звали его на поддержку либеральной буржуазии, заигрывавшей с пролетариатом, говорившей о „сочувствии“ народу.

Большевики думали по иному. Они брали Революцию в серьез и думали, что революция в России должна привести к власти пролетариат и крестьянство, перешагнуть через границы буржуазной революции. И поэтому они воспитывали в рабочем классе сознание, что только рабочий класс сможет победоносно совершить Революцию в России и что в этой своей борьбе рабочий класс должен опе-

реть. Поэтому большевики и меньшевики так по разному строили свои партии.

Тов. Троцкий не был согласен ни с большевиками, ни с меньшевиками. От большевиков он брал призыв к решительности в борьбе, от меньшевиков их понятие о крестьянстве, как о таком классе, который не может быть союзником пролетариата по борьбе. Он назвал ту Революцию, какая по его мнению должна была совершиться в России „перманентной“, т.е. такой, которая, раз начавшись, не останавливается, пока не разрешится в диктатуру пролетариата.

Ленин и большевики все время боролся с мыслями Троцкого.

Если бы эти мысли осуществились, Революция в России потерпела бы неминуемое поражение: ведь теперь мы уже и на опыте 7 лет знаем, что сила Русской Революции в союзе рабочего класса и крестьянства, что если б не было этого союза, если бы крестьянство не поддерживало бы рабочий класс — власть советов не существовала бы и года.

Потому Ленин все время боролся с Троцким, считая, „перманентную революцию“ скачком в воздух, подвергавшим пролетариат и судьбы Революции величайшим опасностям.

Эта борьба была важна потому, что с виду „перманентная Революция“ — как будто было самое революционное представление о Революции и этим оно могло обманывать рабочих.

А на деле оно означало: раз в России у рабочего класса нет союзников и он в случае своей победы будет иметь против себя и буржуазно и крестьянство, то и вообще в России не должна совершаться Революция... пока не встанут западные рабочие и не окажут мощной поддержки российскому пролетариату. На деле развитие мыслей, теория „перманентной Революции“ приводили пролетариат к безнадёжности, к ожиданию „погоды за морем“ и к отрыву от крестьянства.

ТОВ. ТРОЦКИЙ недавно стал большевиком: он вступил в ряды нашей партии в 17 году. До этого он с 1903 года был в рядах меньшевиков и 15 лет вместе с ними боролся против Ленина и Ленинской партии.

ПЯТОЕ ПОКОЛЕНИЕ: октябринок с запиской имени Ильича.

реться на крестьянство, как на основного союзника. Большевики считали, что либеральная буржуазия не может быть союзником пролетариата, что в своей борьбе рабочий класс будет иметь ее против себя.

ШЕСТОЕ ПОКОЛЕНИЕ: молодой гражданин СССР, который не кричал, но уже „октябрился“.

Троцкий был одним из вождей меньшинства и одним из самых ожесточенных противников Ленина. Он считал Ленина диктатором, говорил, что большевики хотят ввести в партии казарменную обстановку, солдатскую дисциплину. Вместе с этим, он был и против Ленинского понимания характера Русской Революции и говорил, что большевики в случае победы угрожают интересам рабочего класса.

Уже одно то, что Троцкий вступил в коммунистическую партию, значило отказ от его прежних мнений и присоединение к Ленинскому учению. Партия поэтому хорошо приняла Троцкого и послала его на самую серьезную работу. И надо сказать, что, когда т. Троцкий шел тогда в ногу с партией, работал под ее руководством, он оказывал большие услуги Революции.

Но его меньшинственное прошлое время от времени давало себя знать и тов. Троцкий вступал в резкие споры с партией и Лениным. Особенно часто проявлялся его недооценка крестьянства.

Так было в 1918 году, когда Троцкий, не видя усталости армии от империалистической войны, не замечая того, что крестьянство не желало войны, и предлагал не подписывать Брестский мир с немцами.

Так было в 1920 году, когда Троцкий не видел того, что крестьянское хозяйство для своего развития нуждалось в переходе от военного коммунизма к нэпу, и предлагал потуже закрутить гайки, военными приемами поднимать промышленность.

Так было и в 23 году, когда Троцкий вызвал большие споры в партии, предлагая не по ленински направить ее внутреннюю жизнь, хотел столкнуть лбами партийный молодняк и старую гвардию большевизма, разжигать вылитую из одного куска партию, разбив ее на группы-фракции, ослабить ее единство.

И теперь тов. Троцкий своей книгой «Уроки Октября» хочет доказать, что он, а не большевики и Ленин, были правы в вопросе о том, как произойдет Революция в России, что Октябрь произошел «по перманентному», а не по Ленински.

Те мысли, которые выдвигал т. Троцкий против большевиков до Революции, назывались «троцкизмом». Троцкий вошел в большевистскую партию, но от многих из этих мыслей еще не отказался и пытается ими подменить учение Ленина.

Наша партия победила всех врагов и будет и дальше побеждать, потому что в ее руках могучие орудия: учение Ленина, ленинизм.

Партия не позволяет, чтобы это орудие было выхвачено из рук. Партия против поделки ленинизма троцкизмом.

Комсомол должен внимательно изучать историю Октября. Но он должен изучать ее не по Троцкому, а по Ленину.

На терпешем же обсуждении вопроса о троцкизме он должен глубже разобраться в учении Ленина, получить крепкую большевистскую прививку.

И Партия в Комсомол не позволяет никому расстронить их ряды, распылять единство партии, стравливать ее с Ленинского пути.

Вот почему партия и комсомол так единодушно дают отпор троцкизму.

ВСЕШ КОМСОМОЛ С СЕРЬЕЗНЫМ ЖДАЕТ ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВА. ТРОЦКОГО.

ЛЕНИНГРАД.

24 ноября на торжественном заседании ленинградского Комсомола, посвященном пятилетию КИМ, член исполкома КИМ тов. Гессен в докладе о деятельности КИМ'а отмечает, что все оппозиристические выступления — Пауля Лева в Германии, Фросара в Суварии во Франции, Хейгауда в Швеции, Шмидера в Чехо-Словакии, встретили самый энергичный отпор со стороны коммунистической молодежи. Сейчас перед нами новая попытка ревизионизма, новый фракционный ход — выступления тов. Троцкого. Выступлению тов. Троцкого членом исполкома КИМ'а отводится особое значение. Собрание единогласно постановляет послать приветствие тов. Зиновьеву.

В. И. ЛЕНИН.

«Мы считаем, что вся ленинская молодежь должна отказаться грызть, гранит ленинизма по тому способу, который рекомендует Троцкий в «Уроках Октября».

Из резолюции активистов Московско-Нарвского района Ленинградской организации РЛКСМ.

СВЕРДЛОВСКОЕ (Б. ЕКАТЕРИНБУРГ).

Советание активных работников свердловской городской организации РЛКСМ, ознакомившись с приложением тов. Троцкого к его книге «1917» и с ответями «Правды» и ЦК РЛКСМ, целиком и полностью солидаризируется с возмущением, высказанным «Правдой». Советание целиком согласно с мнением ЦК РЛКСМ, что те уроки октября, которые тов. Троцкий преподносит молодежи, не обучают, а затрудняют большевистское воспитание молодежи.

ОРЕНБУРГ.

Областной и губернский комитеты РЛКСМ в своей резолюции говорят: «Мы будем изучать уроки Октября не в редакции Троцкого, а как подобает Ленинскому Комсомолу, у Ленина и его партии».

ХАРЬКОВ.

ЦК РЛКСМ и Харьковский Губком ЛКСМУ целиком одобряют и разделяют взгляды, выраженные ЛКСМ, ЦК РЛКСМ по поводу книги тов. Троцкого «Уроки октября».

МИНСК.

ЦК ЛКСМ Белоруссии и минский окружной комитет ЛКСМ'а присоединяются полностью к резолюции ЦК РЛКСМ. В резолюции говорится: «Призываем ЛКСМ Белоруссии Комсомол белорусского высшего дерзновения, передав знания констатирующего ленинизма и под этим знаменем, бороться себя к новым боям за ленинизм».

ВЛАДИМИР.

Губро Владимирского Губкома РЛКСМ опубликовало статью в которой пишет:

Ленин от партии и партии от Ленина не отделимы. Тов. Троцкий считает, что партия в течение 20 лет своей работы подготовку Октябрьской революции считала вопросом второстепенности. Так ли это? Нет, не так. Исторические факты говорят обратное: все вопросы партии партии были тесно между собой связаны.

Троцкий неправильно рассматривает вопрос в отношении крестьянства, он забывает, что без поддержки пролетарского элемента, элемента, т.е. крестьянства победить капитализм было невозможно. Нужно вспомнить роль солдата, крестьянина, находившегося в старой армии, нужно вспомнить эксплоатацию бедняка помещиком и роль бедняка во время Октябрьской революции.

Тов. Троцкий много говорит о личностях забывая о рабочих классах и крестьянстве, о партии. Революцию теория рабочих классов при поддержке крестьянства. Молодежь участвовала в Октябрьской революции и она еще этого не забыла.

Тов. Ленин и др. должны анализировать только организаторскую революцию — так понимает молодежь. Тов. Троцкий старается напомнить нам об ошибках тов. Зиновьева, Каменева — ведь об этом все знают. Тов. Троцкий умышленно от себя, он в этом не мало грешит, его ошибки были и до Октябрьской революции. Помощь тов. Троцкого в дискуссии о профсоюзах, партийной дискуссии оказались неверными, партия сама на эти ошибки указала, но тов. Троцкий о своих ошибках умышленно, старается их затуманить.

История Октября изучать нужно — это верно. Молодежь помнит слова тов. Троцкого — «грызть гранит науки!» Но как изучать и что изучать? Для молодежи нужна действительная история Октября, а не ложная основа, которая влестит т. Троцкий в предисловии к своей книге.

Ошибки тов. Троцкого делают, они могут дорого обойтись рабочему классу, а также и молодежи, как части рабочего класса. Молодежь верила и будет верить в тов. Троцкого, но если ошибки эти будут повторяться и в дальнейшем, то молодежь перестанет ему верить.

В процессе борьбы был целый ряд ошибок отдельных членов партии, которые внесли эти ошибки в сознание молодежи и партийцев. Тов. Троцкий должен сознаться в своих в своих ошибках и их исправить, а не вводить в заблуждение новое большевистское поколение.

Комсомолу нужно ленинское воспитание. Партия ему в этом поможет, от фальшивой же истории Комсомол отказывается.

Владимирский губернский комитет РЛКСМ целиком присоединяется к письму Центрального Комитета РЛКСМ и считает, что Ленинский элемент всей губернской организации Комсомола.

Комсомол идет по пути ленинизма и будет за него бороться.

ЧИТАЙ О ТРОЦКИЗМЕ

Сборник «За ленинизм против троцкизма» Изд. ЦК РЛКСМ. Цена 10 коп.

Сборник «Уроки Октября». Издание «Правды». Цена 80 коп.

Зиновьев «Ленинизм или троцкизм». Изд. ГИЗ. Цена 10 коп.

Сборник «Молодежь и троцкизм». Изд. «Правды». Цена 30 коп.

Бухарин «Теория перманентной революции тов. Троцкого». См. «Правда» № 295 от 25/11 — 21 г.

ДЕСЯТЬ КНИЖЕК, КОТОРЫЕ ДОЛЖЕН ПРОЧЕСТЬ КАЖДЫЙ КОМСОМОЛЕЦ.

ВТОРОЙ КРУГ ЧТЕНИЯ МОЛОДОГО РАБОЧЕГО

ССТАВЛЕНО ПОЛИТПРОСВЕТОМ ЦК ВЛКСМ.

1. Наше хозяйство

1. Вольфсон. «Экономические формы СССР». «Молодая Гвардия», 19 4 г.

Книжка полно и широко знакомит с положением советского хозяйства. Составлена она применительно к программе кружка и даст ответы на все поставленные вопросы. При чтении можно пропустить главы IV и VII.

2. Л. Каменев. «Почему необходимо поднять производительность труда?»

Очень хороший доклад, где ясно показано положение нашего хозяйства; пути, по которым оно поднимается; трудности, с которыми мы встречаемся и вытекающие отсюда задачи рабочего класса.

2. Мировой капитализм

3. Н. Бухарин и Преображенский. «Азбука коммунизма». §§ 6, 7, 8, 9, 10, 12, 14, 18, 19, 26, 27, 28, 29, 31.

«Азбука коммунизма» — прекрасная, незаменимая книга, хотя в некоторых местах она устарела. Знакомство с ней обязательно для комсомольца.

4. «Манифест Коминтерна по случаю десятилетия мировой войны». Желательно в изд. ГИЗ 1924 г. (с словариком).

5. Г. Зиновьев. «Политотчет ЦК на XIII съезде партии».

В достаточно популярной форме изложены все основные вопросы хозяйственного строительства и международного положения.

3. Российская Коммунистическая Партия (б.)

6. Г. Зиновьев. «История Российской Коммунистической Партии (б-в)».

При чтении книги могут встретиться некоторые трудности. В целом написано популярно и увлекательно. Книга является одной из основных во всем «круге чтения». Знать историю партии обязан каждый комсомолец 2-й категории.

7. Г. Зиновьев. «Партия без Ленина».

Важные статьи о ленинском призыве и о работе с ленинцами.

8. Г. Зиновьев. «Коминтерн и Ленин».

Знакомит с историей 2-го Интернационала, образованием в нем левого крыла, крахом во время войны, Циммервальдом, историей создания Коминтерна и ролью Владимира Ильича. Изложение живое и понятное.

9. Г. Зиновьев. «Большевизм и меньшевизм на международном экране». (Уроки Макдональдовичны).

Книжка подводит итоги шести месяцев пребывания Макдональда у власти; ясное сравнение политики 2-го Интернационала и Коминтерна.

10. «Уроки Ильича». Сборн. статей. Изд. «Прибой».

В этой книжке собраны отрывки из произведений Ленина по важнейшим вопросам, как-то: диктатура пролетариата, пролетариат и крестьянство, партия, Коминтерн и др.

ОБЛАСТНАЯ
ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА
Рабоче-Крестьянской Молодежи
„Молодой Ленинец“
Центр. Пром. района.

И СПОЛНЯЕТСЯ 5 лет существования газеты Московского Комсомола „Молодой Ленинец“. К этому дню не должно быть в Московской и ближайших губерниях ни одного молодого рабочего или крестьянина, который бы не знал и не читал „Молодого Ленинца“.

Много молодых сил и энергии нужно было потратить, чтобы из неяркого ежесемечного листка, каким был „Ежедневный Правда“ в 1919 году, выросла в ежедневную газету „Молодой Ленинец“.

В 1924 году „Молодой Ленинец“ приобрел сотни кинокор, завязал крепкую связь с низовыми ячейками Комсомола, сделался одним из первых орудий политического воспитания масс рабочего-крестьянского молодца.

С 7-ой годовщины Октября газета стала выходить ежедневно. По постановлению ЦК Ленинского Комсомола „Молодой Ленинец“ стал областной газетой и охватывает молодежь 10-ти губерний: Московской, Тульской, Иваново-Вознесенской, Ярославской, Тверской, Калужской, Рязанской, Брянской, Костромской и Владимирской.

„Молодой Ленинец“ сейчас имеет 3 приложения, помогающие ему в деле воспитания рабоче-крестьянской молодежи.

Журнал рабочей молодежи „Смена“, юмористический журнал „Комар“ и журнал для ячейкового актива „Молодой Большевик“.

6-й год жизни „Молодого Ленинца“ должен стать годом непрерывного роста и подъема.

В этом должны помочь редакции все комсомольцы. Нужно помнить, что 70 000 подписчиков — далеко еще недостаточная цифра для областной газеты.

№ 118 (282) Воскресенье, 7 февраля 1926 года. № 118 (282)

II ИНТЕРНАЦИОНАЛ НА СОДЕРЖАНИИ И СПЕКУЛЯЦИИ

Великие революционные события в Европе и Азии

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

Контрреволюция и спекуляция

ВСЕ ЭТИ КНИЖКИ НА ДНЯХ ВЫХОДЯТ СПЕЦИАЛЬНЫМ ИЗДАНИЕМ В ИЗД-ВЕ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“ ПОД ОБЩИМ ЗАГЛАВИЕМ: „ВТОРОЙ КРУГ ЧТЕНИЯ КОМСОМОЛЬЦА“.

ПОДПИСКА ПЛАТА:

- 1) „МОЛОДОЙ ЛЕНИНЦЕ“ — в месяц — р. 55 к.
- 2) „МОЛОДОЙ ЛЕНИНЦЕ“ со „СМЕНОЙ“ — с 1 р.— к.
- 3) „МОЛОДОЙ ЛЕНИНЦЕ“ — „КОМАРОМ“ — р. 75 к.
- 4) „МОЛОДОЙ ЛЕНИНЦЕ“ и „МОЛОДОЙ БОЛЬШЕВИК“ — р. 85 к.
- 5) „МОЛОДОЙ ЛЕНИНЦЕ“ со всеми приложениями — 1 р. 50 к.

СОН КОМ

Ю. ТИВАС,

Спокойно управляет сложными механизмами, на вахте стоял... Колька Иванов из своей же организации...

и гордость за будущего военмора и него... зависти.

Наконец, он в клубе. Поздравляют «моряков», желают успеха. Не остаются в долгу и герои вечера: кланутся, что станут «красными морскими волками» и пр.

Потом — спектакль; на героев дня обращается все внимание. Комсомолки так и пялят глаза.

Когда уже все кончилось, к Ваське подошли прощаться несколько ребят и «его» (с чего это все взяли?) Соля.

— Счастливо служить, Вася. Когда приедешь? — спросила, а сама потупилась.

— Не знаю. Когда первую кампанию кончу.

Ребята глаза вытупили.

— С нами кампанию водить, кончить хочешь? — спрашивают.

Расхохотался Васька.

— Да нет, конец кампании — по морскому значим — конец плавания, обьяняет он.

Рассмеялись и ребята.

— Оморачился:

— Я уж давно это знаю, — вспыхнул Васька и показал газету «Красный Балтийский флот», которую выписывал давно. Утром поезд увез его вместе с остальными ребятами в Ленинград.

По другому борту видно, как мичман загораживает стелет мичму за мичму...

В ТЕМНЫЕ ОСЕННИЕ вечера, когда на верхней палубе ветер чувствует себя хозяином, сердце заывая в снастях, приятно сидеть в теплом кубрике корабля и слушать рассказы ребят, собравшихся со всей «Эс-се-се-ре».

Вспоминаются свои родные комсомльские организации. Удачи и неудачи, работа...

Так и сегодня, когда ветер особенно сердито завывает, напоминая, что Зюд-Вест в 6 баллов может на этом и не успокоиться и причинит не мало хлопот, Вася Недопеков лежал в подвесной койке, слушал, развесив уши, как «хлопцы» обсуждали волнующий весь кубрик вопрос: нет ли ребят из своих организаций в среде прибывших новобранцев, каковы они по сьему развитию и т. д.

Теплота в кубрике, тихий разговор на рундуке под аккомпанимент вентиляторного мотора сделали свое дело: глаза Васи Недопекова сомкнулись, и он чему-то улыбаясь своей широкой «масляницей», уснул.

Улыбался Вася не зря. Не получив сегодня бесплатного билета во всемирно-известный Морской манеж, он в объятиях «морфея» *) видел еще не вышедшую

кино-фильму в больших частях под названием: 2 года шефства РЛКСМ над флотом или «Комсомолы во флоте».

Часть 1-я

ПОПАЛ В РАЗВЕРСКУ

... СОСТОИТСЯ ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ — ПРОВОДЫ УХОДЯЩИХ ВО ФЛОТ

КАЖЕТСЯ, Васька уже наизусть выучил извещение в газете местной организации, а вот на, поди-ж ты, опять достал из кармана и перечитал ее в тысячный раз.

Не успел Васька, надвинув кепку на затылок, подойти к дверям, как его окружило десятка полтора ребят и, крепко пожимая ему руки, по-своему «приветствовали» будущего моряка: — Молодец, скотина... — Не подкачай, бегемот... — Проведи в клуб, Васька...

Несмотря на то, что «ласковые» слова были не из приятных, Васька просил. Ведь, в этих словах было все: и радость,

Часть 2-я

В ЭКИПАЖЕ

П РАВОЕ ПЛЕЧО!

— Левое плечо!..

— Кру-гом!..

Кончили строевую учебу на сегодня. Закурили.

— Становись — равняйся!.. смирно!.. Левый флаг выше голову! — гремит голос роткома и ласково добавляет: не печаль хозяина!..

Так каждый день. В экипаж возвращаются, публика садит тоже прет, а ребята стараются:

— Заводы без нас не пустуют.

— Рабочая в них молодежь.

Навстречу, рассекая воду острыми форштевнем, неслись эсминцы...

*) Морфей — древний бог сна

СОФЛОТЦА.

снимки автора.

Наконец, кончилось и строевое обучение. Прощаемся с первой „станцией“ каждого моряка — экипажем.

— Назначенные в Электро-минушу, школу, вылеты! — раздается зычный голос дежурного между трелью дудки.

И действительно, вылетаем, как пробки.

Часть 3-я

В ШКОЛЕ

БАЛТИЙСКИЙ ВОКЗАЛ. Ораниенбаум. 7 верст по льду залива, и мы в Кроштаде. Вот и Эльминшкола. Неприятное помещение, холодно, но, к счастью, это — первоначальное впечатление.

Осмотр классов приводит нас в восторг. Чудеса техники, да и только! Даже страшно становится сразу от мысли: „Неужели мы выучимся управлять всей массой приборов?“

Вася Недопеков и тут первым электриком. Самые сложные формулы знает на ять.

— Недопеков!

— Есть!

— Чему равна мощность трехфазного тока?

— Мощность трехфазного тока равна квадратному корню из произведения трех на силу тока и электродвижущую силу.

— Любо — слушать, — восхищаются остальные, — а, ведь, поди же, наверно тележного скрипа боялся.

А Васька думает:

— Скорей бы на корабль, на практику...

Часть 4-я

НА ПРАКТИКЕ

МЕЧТА СЫВЛАСЬ. Пошли на практику. Сколько нового увидел Недопеков! Все его удивляло: и орудия, и мостик с компасом и дальномером.

Слазил он в кочегарку, „недра“ корабля, а когда зашел в машинное отделение, то остолбенел: спокойно управляя сложными механизмами, на вахте стоял...

Лыцкор и эсмичуны в море во время маневров

Плывишь вобзаться по «выстрелу» и броситься в море...

приходится. Еще минута, и в воду летят тела моряков. Шум, смех, веселье. Приятно взобраться по „выстрелу“* и броситься в воду, ведь, жара невыносимая.

Часть 5-я
В ПОХОДНОМ КЛУБЕ

ГУЛЯЮЩИМ ПРИГОТОВИТЬСЯ!

— Есть!

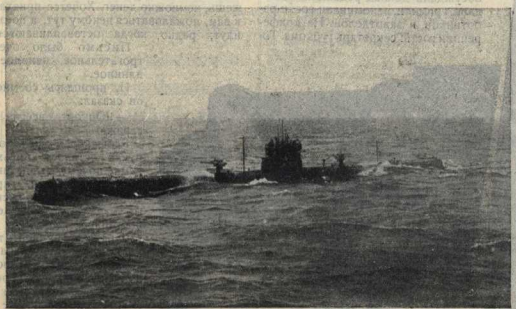
Переполненные до отказа шлюпки доставляют на берег, где красиво на горе раскинулся походный клуб из нескольких палаток.

Тут и спорт-поле, на котором сейчас начнутся выступления спортсменов — моряков и жигуны, гигантские шашки, качели, кольцо, мач и т. д. И тут же в палатке выставка стегает моряков совместно с крестьянскими, комсомольскими и пионерскими.

Хорошо после корабельных работ появляться на травке! Но... „но“ всегда существуют. Три выстрела с рейда говорят, что надо возвращаться на корабли, где есть учеба, буди и еще раз учеба.

Наступают буди.

ВАСЬКА НЕДОПЕКОВ проснулся неожиданно. Не сходя слушателем Воздушной Академии, он все-таки совершил полет из койки на палубу и тут, окончательно придя в себя, понял, что это сон и его переживал каждый комсомолец, так уверенно стоящий теперь на вахте по своей специальности.

Их провозжала подводная лодка.

* Выстрел — бревно.

ЮНКОРЯ

М. КЛЮВИН, снимки С. КРАСИНСКОГО

— Юнкор—всегда на страже.

СЕНТЯБРЬ на исходе. Мучительно и прекрасное солнце позже всходит, в полдень оно чуть-чуть холодней. Глубокие вечера неожиданно приходят и уходят короткие дожди, и ветер треплет ржавое железо крыш. Это осень. Самая обыкновенная, русская осень.

В редакции Екатеринославской комсомольской газеты "Грядущая Смена" сегодня утром в первый раз сторож застал пламя печи. Сегодня осень, сегодня собираются, чтобы поговорить основательно и крайне. Гвоздь повестки собрания редколлегия—юнкоря.

Юные корреспонденты. Нужно собрать заинтересованных, пишущих, нужно еще взрешать, подыять к работе богатый и поднокровный, молодежный ленинский плакат.

Осенью хорошо работать! Хорошо итти прямой и теневой Бранской колонией, мимо ослепительного купола пустующей церкви, подняться по узенькой железной лесенке и спуститься к "проходным" воротам, отыскать в железных криках, в доменном, огненном сиянии законченную и прокуренную котельную, где собирались юнкоря. Обсуждают. Записывают. Блок-ноты.

О, эти блок-ноты! Маленькие жалобные книги. Маленькие бумажные РКИ. Тут все найдешь. Про непокорного мастера (непременно "держиморда!"), чуть ниже—косолапые буквами сколоченные верные, рабочие слова про "мариков", которые в океанах и морях ведут советский дозор, а сбоку—потрясающая, страстная приписка о "гаде", пролезшем

в Комсомол и где-то за далеким, кирпичным цехом, где начинаются большой бурьян и заводский пустырь: силой целовашный проходившую молодую работницу, силой разрывавший дешую ситуацию кофту. После этого ни одна девушка не вступит в КСМ, а нам женский элемент нужен, как заводу нашему нужны уголь и железо*.

Это в одном засаленном блок-ноте, а если посмотреть в каждый листик, в каждое слово, можно разглядеть, почувствовать и понять, что юнкор не только пишет маленькие заметки—это такой мощный и громадный сердцобой, сдвиг, когда о каждом гвоздице, о ржавящих кусках железа и душах человеческих пишет в стеноз, в газету, в проклатуру, куда угодно, но только одно,—чтобы достигнуть правды.

Юнкоря—правдоискатели. Не те, что когда-то искали правды, бредя от одной монастырской колокольни к другой. Нет! Юнкоря, Комсомол—ленинские правдоискатели.

В первых числах октября начались конференции юнкорей. Осень в расцвете. Дни пошли сухие, ветреные, к вечеру небо мертвецки синело. Осень, самая настоящая осень.

Владимир Вельмин—прекрасный товарищ и комсомолец. Редактор. В воскресенье зашагал, далеко—верст 5. Надо пройти место, один из самых стройных и красивых мостов на юге. Под мостом массивный и темнеющий Днепр.

А вечером, в кругу товарищей, рассказывал, как крыли и хвалили газету. У Вельмина есть старая цитра: нет двух струн. Вельмин затягивает песни, какие обыкновенно на шляху поют бандуристы. Он смотрит на собеседников и поет. Это—признак. Конференция прошла хорошо.

Через три дня еще одна районная конференция. Собирались юнкоря в холодной и большой комнате. Было всего человек 50. Детально обсуждали доклад редакции. Нападали, громили, вспоминали грехи работников и заводцев. На конференции гости: секретарь губкома. То

варищ Сазонов принимал участие в работах конференции так же горячо, как я, и все остальные.

Еще и по сей день комсомольский актив (правда, не весь), не считает юнкорскую работу союзной работой, по сей день это считается "письменной забавой". Эта конференция была сдвигом в отношении ребят к юнкорям.

Мне пришлось итти с рабфактовцем. Шли мы по Новодворинской улице, в 20 и 21 г. всю улицу заняла Чека, со своими солдатами-латышами, а теперь это была самая тихая и самая разрушенная улица. Особнячки одноэтажные и двухэтажные с обрушившимися дворянскими вензелями с крапиной и бурьяном до врызг разрушенных окон. Тут, у столба, под светом электрического фонаря, рабфактовец прочел письмо, полученное им с обратным адресом на какую-то глухую станцию:

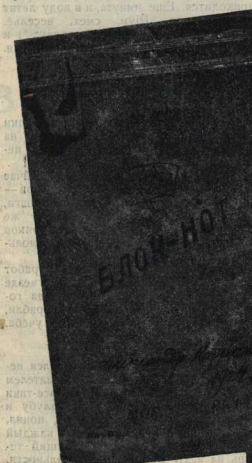
"Милый друг и товарищ!
Меня выгнали из фабзавуча, выгнали из общежития тоже—за заметку. Мне очень хочется кушать. Вышли, если möglich, немощко денег. Хочется приехать к вам, пожаловать к некому тут, а поезда идут, редко когда останавливаются".

Письмо было очень трогательное, наивное и длинное.

И, прочаясь со мной, он сказал:

— Юнкор—всегда на страже.

Рабфактовец ушел, но в руках остался письмо. И мне почему-то вспомнилась фотография, присланная из Криворожского уезда. Там, в уезде в шахтерских поселках—там работа трудней, там идет упорная борьба с "обрезом", дуло которого из железа; но у юнкоревости копы—верное и на смерть поражающие—ленинская железная уверенность.

Юнкоря, комсомол—ленинские правдоискатели.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

КАЖДОМУ клубному застависту хоромы известно, как туго приходится в работе, если ребята не знают песни и плохо поставлены хоружки. А в деревню без песни лучше и не показываться. Наша деревня голосистая, молчать ее не заставишь. Только и остается, если ее песни — изложить, дать другую, революционную песню.

Требование настоячивое и законное: где хочешь организацию — давай песню. Недаром комсомольский коллектив самый крепкий, дружно сколоченный, гаутку дерут больше всех.

На тысячных собраниях комсомольцы всегда в клубе в одном уголке для человека заводят «Молодую Гвардию», сейчас отсюда потечет комсомольство через голову, а к своим пролезет.

Только вот беда — нет у комсомолов новых песен. Правда, насчитались с десятком (да и то с трудом) хорошие, любимых комсомольских, прошедших с нами крови и воды; и на фронте, и с голодом — раздутой вместе билась и, наконец, на учебу вместе встали — слабые, боевые песни! Но время идет, все меняется, пора старую песню в архив, на покой сдать и тревожить только в особо торжественные случаи. Жалуются ребята, все лето-перелето.

Пробует и старым мелодиям придать слова с новым содержанием. Доходит до того, что под мотив какого-нибудь пошлейшего романа подпеваются революционные слова.

К и м

Идем мы с песней в мир прекрасный, придет восставших с ней несем. Ошиборься не напрасно, мы коммунарки растем. Припев: Знамя в высь, сторонись, солнце ярче лей тут и там по врагам.

Бей бей, Мы песней савим павших в ранах, на смену им готовясь встать. Пусть знают все во вражьи страны, что против них и наша рать.

Припев: Знамя... Нас, юных много, много миллионы, в нас кровь чиста и мысль светла

Песни нет. Песню нужно найти. И комсомолу не к кому обратиться за помощью — самому, только самому можно найти выход. И провозить эту задачу можно только через хоружки. До сих пор они у нас в таком непрогретом состоянии! В клубе самое последнее дело — хоружкой, на него меньше всего отпускают средств, не обходят внимания на подбор руковод-

дителей — в результате набирают из бывших певчих церковного хора, людей без всякого образования. Да и сами ребята очень несерьезно относятся к хоружке — смотрят на него, как на забаву. А между тем, это единственный источник, откуда мы можем получить хорошую и новую комсомольскую песню.

Дело хоружки — разучить песню и сейчас же отдать ее в распоряжение ребят. Песню хоружка берет весь клуб, за клубом вся заводская молодежь и т. д. В этом должна заключаться общественная работа хоружки.

Нужна песня. Этот вопрос назрел уже в комсомоле. Кое-как, кое-где уже приступают к его разрешению. Нам вчетверо 3 песни комсомольского творчества.

Автор одной из них, Красные маки курьез шлоями ВИИК Кремля и песня распеваема весь школой.

«Смена» впрямь будет помогать на своих страницах все сведения, поступающие из хоружек всего СССР, о достижениях и неудачах в вопросе искания и творчества песни.

Красные маки.

Красные маки цветут на дороге, Красные маки — курьезная кровь. В битве с врагами терять мы многих. За дело свободы, надеюсь окош.

Припев: Дружно же в ногу, смело в дорогу Только вперед и вперед.

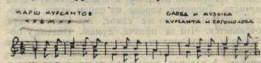
Нет нам преград, смерти мы рады, Если свобода зовет вперед. Красные стрелы, — мы смелые отцы, Стрелами новых, смелых времен. Все мы на ленинских твердой дороге, Пусть наш украшен кровью знамен.

Припев: Дружно же в ногу... Новь наша восходит все выше и выше. К целям коммуны стремится мечта, Душевные вольно комманды

Кровь пронойтой курсантов цветы. Припев: Дружно же в ногу... Вождь наш идет, поживает в могиле, И мы его в сердце горю хранима

Тем, кто погиб — проратская память, Вечна честь и слава великая.

Припев: Дружно же в ногу...

Пять дочерей.

Было у Дюнушки пять дочерей, Было у Степановича пять дочерей. Марья с Дарьей — две старшенькие, Глашкя с Пашкой — середеньские.

Душенька, Дуношкя — любимая была, Сделает ей Глашкя с Бриллиантом колыбель.

Стала тут Дюмка призывать: За кого я замуж буду девок отдавать.

Марья — за Ваньку огородника — Будет меня Марья картошкой кормить.

Дарья за Гришку-самогонщика — Будет меня Дарья самогонкой поить.

Глашкя за Мишку-золотаря — Сделает ей Глашкя с Бриллиантом колыбель.

Пашку за Титича-сыломоника, Будет моя Пашенька дузовное лицо.

Душенька Дуношкя — моя любимая, Отдам я Дуношкю за Карлова кушак.

Отдам я Дуношкю за Карлова кушак, Буду и теща кулевская.

Вечером девки на гулянье пошли, Вечером красивая на гулянье пошла.

Мы вот, милашечка, скоро придем, Може, мы с собой женихов приведем.

Вечером Дюмка пирогов напекла, Шей наваряй, — женихов все жальца.

Вот Марья идет — Ваню Тошари ведет. Вот Дарья идет — Гришку слесари велет.

За ней Глашкя с бриллиантом пришла. Паша в женихи красноволота взяла.

Душенька Дуношкя последняя пришла — Красного директора с собой привела.

Мы жить хотим без слез и стонов, мы жить хотим в лучах тепла.

Припев: Знамя... И если враг еще не скоро уронит меч последний свой,

Тогда, чтоб гнать его с позором тесней в колоннах юных стой.

Припев: Знамя... Пройдет по миру гул восстаний, с лица земли на век отлучит

Киевлю рабов и трои тиранов сыня, как прадедик, будет гуд.

Припев: Знамя... Не мечь а серп скучен на стали, народ, сразивший царство тьмы

Оружие все ковать из стали, ковать серпы все будем мы

Припев: Знамя...

КАК КОМСОМОЛЕЦ С ВЕДЬМОЙ ПОДРУЖИЛСЯ

ПРИКЛИЧЕНИЕ ЧЛЕНА ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО КРУЖКА

Ф. МИТРОХИН, иллюстрации П. МАЛЬКОВА

ПЕРЕЖДЕ всего нам надо представиться, ребята. Я — Ленинградский биологичка. Знаете, как-то у нас, среди ребят, произошла эдакая история о том, что хорошо бы образовывать естественно-научные кружки и летом в отпуску не зря братья заниматься сбором толовых коллекций, за животных поглядывать, а зато, вернувшись домой, друг с другом поделиться о том, что сделала каждый.

Сразу — сделали. Надо прямо сказать, что начинавшая всего этого была моя, а потому и решила я особенно ретиво ввязаться за дело. Как только приехал к себе в село (в Перскую волость, в 20—30 от города) — сейчас же за сапож и пошел бродить по полю, да по лесу.

Надо признаться — тут-то шло дело на первых порах. Мне было не обично идти с мальчуганами, а на зареде оказывались и леса не видали и стою у меня на первых порах через пень и колоду. Собирали коллекцию и довольно-таки ретиво, а чувствовалось — что мало в этом толку.

Но вот представился случай применить свои «естественно-научные» таланты во имя. Захожу и на 4-й или 5-й день в наш Совет. Надо было мне познакомиться с секретарем. Хороший, деловой парень Пашка. Он просил меня зайти к нему посоветоваться, велел ли как-нибудь ехать в Ленинград поваять, на завод попутно. Не тинет его крестьянская жизнь, на производство члется.

Видно у них в Совете что-то неладное творится. Собираюсь, мужиком я баб человек 15—20, обступили они кругом нашего председателя, шумят, гудят, и каждый первый нарывает ему свое дело высказать.

Встаю я в сторожку, стал слушать. Сначала ничего не понимал, а потом, когда разговор в форму вошел, кое-что ясно стало.

Они, видите ли, ведьму отыскали на с.е.е. Да еще какую!

И совсем непонялду: у старого мельника. Собственно не у него, а у его дочери — Хвиря.

Так вот, «торжественное открытие» этой ведьмы состоялось у нее. Было у Хвиря с полдесятка яиц в чулчачине. Поглядывала она их вечером, заперла чулчачину, а на утро — гадаль — пропала я иш. Да и странно как-то, трех сососов не стало, а два оказались вылитыми.

— Не никак, как ведьминское дело, прости господи, — уверяла она председателя и истово крестьянлась.

Но этого мало! Не одна только Хвиря на ведьму жаловалась. Пришла на нее в Совет заявлять и вала соседка, Мотря. Корова у нее есть, — сподобная, хороша, «Губаста» по прозвищу. Так вот, собственно к этой самой Губастой и поглядывалась ходить ведьма.

— Заподозра это я третила дня доить мою Губастую, — рассказывала Мотря. Темненько уже стало. Да только подхожу я к ней и вижу — дельно нечисто. Тончется корова на одном месте, а хвост выдвигается то же самое, как будто от мух отбивается. Что за пригиза, думаю. Подхожу поближе и вижу — вот те прелест — сососки в сосок что-то малое, на землю бряк и в палочку превратилось. А палочка тоненькая как и нет, нет и пошевельнется.

Я не сбояла и начала доить Губастую. И что ты думаешь. Половину ушла дала корова. А все оставшее, не иначе как ведала проливала, вылакала. Хорошо еще, что хоть во-время подошла я. Исполугалась, видно, меня ведьма, бросила корову и превратилась в палочку. Недаром эта палочка шевельвалась.

На следующий день, милые мои, — продолжал рассказывать Мотря, — опять та же история.

Подхожу я к Губастой, а она, попрежнему тинчует. Ну, ладно, думаю, я те проучу, ведьма проклятая. Подхожу у потышковку к корове и вижу: свернувшись как-то-то темнотой, сососки в сосок и сосет себе мою корову. Осердилась я, да как захну его ружью. Мягко что-то поучествовала. Галажу, — хлопнувшись комок на землю и опять в палочку превратилась. Исполугалась я, иду потышку. Убежала в Губастой, позвала своего мужика и опять вместе к Губастой. Да только ведьма не дура — поглядела мою корову, да и была такова. Ничего уж мы не выжили с мужиком.

— Да ты бы перекрестила ее, дура, — посоветовал ей кто-то.

— Вот уж, действительно, дура, — покорово согласилась Мотря. Да похороше мне тогда было. Испугалась уж больно я. Такова была краткая история этой ведьмы. А сейчас на моих глазах приставили к председателю Сельсовету бабы и мужики.

— Особно нас от нечистой силы. Ты должен наблюдать, чтобы все в порядке шло на селе.

Ну и залучу залучу нашему председателю! Да только он сам не дурак. Другой бы не знал, как приступить к этому делу, а этот сразу из положения вышел.

Увидел меня, позвала к себе, да тут же, при всем честном народе и лягнула:

Группа уюсей в Зоологическом саду

— Самиза, Федота, что бабы говорят. Ну так вот, в порядке соевой дисциплины, призываю тебе — ликвидировать эту ведьму. Да только поскорее, не тяни. Поутул.

Чего уж тут не понять. Раз дисциплина, значит, никак не подходить — надо выполнять. Да только как? — вот в чем загвоздка.

Когда народ разошелся, подхожу я к председателю.

— Тов. Куреники, ты бы в помощь мне кого-нибудь дур.

— Ну что ж, ладно. Бери Пашку — он парень с головой. Да и я сам, если в это время близко окажется, рад помочь. А почему все это дело я тебе поручил, — объясняю он потом, — так это оттого, что ты у нас одна естественной историей занимаешься. А, скажешь почему-то мне, что и ведьма наша естественной историей занимается.

Надо сознаться, ребята, пора я стал после этого. Как-никак, и что-то вроде правды в нем, по борьбе с нечистой силой оказался.

На следующий же день созвал совещание я, Пашка, Мотря и еще два деревенских парня. На совещании решили: как только Мотря опять увидит своего ведьму — пудей писать члется ко мне. А я уж соборую всех и лашем «ликвидировать» нечистую силу.

Смекнулся надо мною мужики.

— Выши ты, молоко еще на губах не обсохло, а туда же, — с-весьмой несвать пудуй. Это, брат, тебе не на митингах выжком болтать. Посерьезней делать будет.

Я отмычалывался. Уже если говорить откровенно, и я сам не знал, как быть ликвидировать ведьму. И только одно понимал хорошо, что нет, конечно, никакой ведьмы, что это одно суеверие деревенское. Но что такое ведьма: Мотря и что это за палочка — никак догадаться не мог.

Три дня прошло спокойно. На четвертый же и вечером с Пашкой на скамеечке у своих ибу и разговаривать ему наше единственное занятие было.

Вдруг, как бомба, Мотря встает к нам.

— Феодор, отпусти «она», проклятая, Губастую одиакать.

— Ну, думаю, началось, — говорю я себе.

Встаю я Пашке за председателем бежать, а я сам в избу за фонарем бросался. К этому времени и председатель подошел.

— Приказывай, — смеется он, — а члустую я, что и сму что-то не по себе.

Приказывай, так приказывай.

— Тов. Куреников и ты, Пашка, ступайте в тыя Губастой, чтобы ведьма отступилась отрезать. А я с Мотрей да с фонарем с фронта зайду.

Сказал, а сам члустую себя, как будто и не ведьму изда ликвидировать, а белогадейскую ведьму какую-нибудь.

Как сказал, так и сделали было: председатель с секретарем с тылу заняли, а я с Мотрей — с фронта. Фонарь на всякий случай в трыпку за веревку, чтобы не сплунуть невпрямля.

Я первый к Губастой подошел: председатель с Пашкой что-то замешкался со своим толовым движением.

Подхожу и вижу: Губаста тончется на месте, совсем как ученье лошади в ширке. Сдернула трыпку с фонаря, галажу — действительно на сосках у коровы какой-то темный комок швет.

Да мало того — прямо на глазах тончест и шевелится. Что за оказия?

Но надо всестати действовать. Еще ближе подошла и прямо к соскам фонаря, поглядывала. Думаю надо раньше, как случает, врага рассмотреть, а потом уже и нападать на него. Но праг мол, видно, света испугалась. Потому что упала клубок этот с сосок на землю и в палочку вытунцалась.

Наклонился я, чтобы поглядеть на него как случает, и, — что вы думаете, ребята, я увидела?

Да своего старого знакомого!

Надо нам сказать, что не зря мы в естественно-научном кружке погляды помрем. Нам книжки поспоставлялось разоблачить по естественной истории, и мы много читали. Пошла ведьма прочим ко мне и книжка с эмелю. Заглянул и со мною в гартышкам. Да раз от доски до доски прочитал я — е-так там мне понравилась.

Много интересного узнал и за нее. Оказывается, ребята, всякие эмелю живут на эмелю. Есть между ними такие, которые бы задушить могут, а есть и прельные, но по-челюму и пострашней. Потому что они «члудются» и при этом в темноте в нас гартышкам лупают. И члсто не только эмелю срелст близиться от этого лад. Но только все эти эмелю блясь члств у южных странах водятся.

А вот у нас живет такая безобидная эмелю — уж. До полудня ярчши даяна ее изюгда дождит. Страшного в ней ничего нет, потому что залу лашеца вам ровневокому ничего худого сделать не может.

Так вот и оказалось, что лавочка шевелящаяся и была этим самым ужом. Я сразу его узнал по картинкам в моей книжке. Это он, оказывается, проклятый, подобрался к корове и давал ее сосать. Видно, молоко ему по вкусу пришлось, потому что он им так напучался, что и двигаться не мог. Смешно мне стало.

— Вот она, ведьма-то какая.

Посмотрел я на своих бравых помощников, а они стоят—все глаза выпучили, а Мотра борочет что-то и крестится.

Передая я фонарь председателю, а сам хватя «ведьму» за ее шею около головы (так в книжке было написано).

Ужу, видно, не понравилось это. Зашнелся он, задрожал, вырваться начал.

— Шнись,—думал,—теперь не уйдешь. В порядке партиципацианн тебе алкидировать пелено—как же тебя выпущу.

Организовались мы со своим трофеем обратно. Впереди—председатель с фонарем, за ним—я с ужом, за мной—Пашка, а сзади всех, крестясь и отплевываясь, шествует Мотра.

Добравшись мы до Совета. Куда же нам водворить эту ведьму?

Я к тебе ее снесу—предлагаю тов. Курепкину.

— Нет уж, ты ее куда-нибудь в другое место приспособи. Не видю мне этой поганки.

Нечего делать—зашага домой. А там уж, видно, проходила про мою победу. Отси и мать стоят у двери и ждут. Как только подошел, я к ним со своим трофеем, как они так и отпрыгнули от меня.

— Ты что, эту нечисть к нам а ибу несешь,—так и вскрикнул отси. Нет уж, увольь сынок. Хочешь с ним возжаться—возжись. Твое дело. Но только нас с матерью не замешивай в эту пакость. Нам, старикам, не дело с ней под одной крышей жить.

И он набожко перекрестился.

Понял, что уговаривать их нечего—все равно ничего не добьешься. Но куда все-таки мне деваться?

Вспомнил про пустую баньку, что стояла на огороде, и решил там поселиться со своей поймавшой ведьмой.

Притащил туда свой тюфяк, все свои коллекции, кое-какие книжонки. Ужа посадил в садок, где осталось еще после моей дневной охоты штук 5 гусениц.

Мой новый приютчик был так толст, невоспитанн моложа Губастой, что даго не мог двигаться. Слегка согнувшись, он, не двигаясь, пролежал от 7 до 9 вечера. Очевидно, еще до поселения своей поганой кормилицы он еще что-нибудь слопал. Корну на ночь я ему не оставил, но он оказался очень активный и часам и десяти, когда я доложился спать, он уже успел сожрать всех гусениц, случайно оставленных в садке.

Пронюх еще три дня. Мой уж быстро ко мне привык, и мы с ним самым серьезным образом подружились. Он не убегал от меня и спокойно лежал у меня за паузкой рубашки, лишь порою высывая за все голову со своими смешными желтыми глазками.

узелками колылом и высывая свое черное, полноразное жало.

Я хитро пользовался этим страхом. Когда он уж саником завелится у меня за паузкой, я начинал даять по собачьи и он тотчас же затихал.

Быстро пробежал дни отпуска. Пора было уезжать. Что делать с ужом? Его никто не брал. Тогда я отнес его далеко в лес и там оставил. Аwohl оттуда он не доберется до вымени Губастой и не будет тревожить несчастную Мотру.

Когда я уезжал,—меня провозжать вышел сам председатель.

— «Спасибо, тов. Митрохин», — и он крепко пожал мою руку.

На заре, в естественном кружке, я ресскаял ребятки все свои приключения с ведьмой. И ребята поставились описать все это и послать для впечатления в «СМЕНУ».

Передая я фонарь председателю, а сам хватя «ведьму» за ее шею около головы.

Свернула тряпку с фонаря,—оляжу—действительно на сосках у коров какой то камок темный висит

На утро уж весь. Я всю баньку обыскал, в печь заглядывал—нет.

Обшарив все уголки, я, для очистки совести, заглянул под тюфяк. Уж спал под ним безмятежным слом.

Сколько народу перебывало у меня в баньке за эти дни! Всем хотелось посмотреть на поймавную ведьму, и много труда стоило мне убедить мужичков, что ведьма тут никакой нет, а есть только уж, самый простой, безобидный уж. Бабы не ходили—они упорно верили, что это нечистая сила, которую я со своим городским колдовским искусством замочилал и приручил.

Кормил я своего приютчика, мытыми, лягушачьи, кусочками говядины и пола подогретым тепловатом молоком.

Раз забрался я со своим ужом за паузку, на голубитню к Пашке. Вдруг уж быстро высочил из-под рубашки и скрылся.

Стали искать и скоро обрели моего беглеца. Он сидел в голубитню гнезде в бесновато поворил айда. Он глотал их целком. Проглотит одно, вытнется во всю длину тана и потом, мигнуто полежал, принимается втягивать в себя другое.

Мой уж людей не боялся, но перед собачьим лаям трепетал. Стоит ему услышать его и он свертывается в клубок и высывая свое черное, полноразное жало.

Я хитро пользовался этим страхом. Когда он уж саником завелится у меня за паузкой, я начинал даять по собачьи и он тотчас же затихал.

Быстро пробежал дни отпуска. Пора было уезжать. Что делать с ужом? Его никто не брал. Тогда я отнес его далеко в лес и там оставил. Аwohl оттуда он не доберется до вымени Губастой и не будет тревожить несчастную Мотру.

Когда я уезжал,—меня провозжать вышел сам председатель.

— «Спасибо, тов. Митрохин», — и он крепко пожал мою руку.

На заре, в естественном кружке, я ресскаял ребятки все свои приключения с ведьмой. И ребята поставились описать все это и послать для впечатления в «СМЕНУ».

«СМЕНА» ОРГАНИЗУЕТ ПО МОЩЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИМ КРУЖКАМ МОЛОДЕЖИ.

ПИШИТЕ В «СМЕНУ» О РАБОТЕ И ДОСТИЖЕНИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ КРУЖКОВ!

МЕСТЬ СРЕДИ ЖИВОТНЫХ

Месть обезьяны.—Лошадья мстят курам.—Возатая птушка, кошка и плямники.—Как слон отомстил своему приятелю.—
Зачево замурованный воробей.—Пчелы и улитка.—Как мстит улитка-осемьчусина.

НЕОЖИДАННЫЕ и интересные вещи иногда приходится наблюдать при внимательном изучении жизни животных. Сколько ума, сообразительности, сколько злопамыстия и мстительности проявляют часто они в мирной обиходе своей повседневной жизни. И, пожалуй, именно по этому коварству и хитрости, по сознательному желанию отомстить они доказывают нам, что многие из них обладают удивительной способностью мыслить и рассуждать.

ему отомстить. Но не сейчас. Она затаила обиду и стала терпеливо ждать.

Прошло три недели и как-то всех матросов потребовали наверх, на мачты для гимнастических упражнений. Партиями в двадцать человек забирались они туда и правильным кругом висели на вантах. Обезьянка сидела тут же и терпеливо ждала, внимательно наблюдая за теми, кто поднимался наверх.

Пришла очередь третьей партии забираться на вантах. В нее входили и молод

а главное—пачкают ее. Лошадь очень скоро открыла это и приняла свои меры.

Вот, что увидели люди: утром, когда кур выпустили по обыкновенно, лошадь подождала, когда люди ушли, а затем принялась за свою мсть. Выбрав себе одну курицу, она начала гоняться за ней, пока курица не выбилась из сил. Тогда рассерженная лошадь несколько раз ударила ее копытом, взяла в губы, трахнула, как собака встряхивает крысу, и швырнула на землю мертвой. И, только

дой матрос, обезьяний обидчик. Но стоило им только взобраться наверх и правильным кругом повиснуть на мачтах, как быстро сорвалась с места и наша обезьянка. С быстротой молнии она взлетела наверх и, добравшись до этих двадцати матросов, быстро обошла их круг, внимательно заглядывая каждому в лицо. Наконец, около одного она остановилась, прыгнула на него и жестоко искусила обе его щеки, пользуясь тем, что руки у него были заняты и он был бессильно бороться.

Нечего и говорить, что это был ее старый обидчик.

после этого, удовлетворив свою мсть стала спокойно пощипывать траву.

Обезьяна жестоко искусила лицо своего обидчика, пользуясь тем, что он должен был держаться обеими руками

Бросившись на своего врага, молодой слон сбросил его в колодезь

Возьмем хотя бы чувство мести, в котором наиболее ярко проявляется вся сообразительность и разум животных.

На одном учебном английском военном судне была взята малая обезьянка. Эта обезьянка любимица получала свои регулярные порции так же, как и все матросы.

Но вот однажды ей нанесли обиду, за которую, по ее мнению, ей следовало отплатить. Матросы мыли палубу. Обезьянка деловито помогала им. Все шло своим обычным, раз навсегда установленным порядком. Но вот, расшалившийся молодой матрос, потехи ради, неожиданно окатил обезьяну ведром грязной воды.

Эта обезьянка стерпеть не могла. Она поняла, что это не входит в повседневную обязанность матроса и решила

ЛОШАДИ тоже умеют мстить. У одного тульского крестьянина была хорошая лошадь. Он очень ценит эту лошадь и выгонял ее на пастбище рядом с домом, на небольшой огороженный участке. Тут же, на этом участке, бродили куры его соседа.

Но вот, как-то однажды, с курами стало твориться что-то странное: день за днем одну из них находили мертвой, и никто не мог понять, в чем дело. Стали следить и загадка разрешилась самым неожиданным образом.

Лошади не любят, чтобы на их пастбище находились куры: они топчут траву,

ОЧЕНЬ остроумный способ выбрал себе молодой слон для мести своему обидчику. Вам прекрасно известно, что в Индии в настоящее время далеко не все обстоит благополучно. Сплоть и рядом то тут, то там стихийно вспыхивают восстания индусов против англичан. Последним туго приходится, и отряд за отрядом принуждены они посылать в глубь страны для кровавого «успокоения» восставших индусов.

С одним из таких карательных отрядов глубоко внутрь Индии отправился два слона—молодой и старый. Один из переходов был особенно тяжелым: воды

СПЛЕВА: пчелы часто закладывают воском свои врачебно-улейные. СПРАВА: воробей, которого стрижи замирали в захваченном им гнезде.

крутом не было и солдаты страдали от жажды. Уже под конец дня им почастливилось: они наткнулись на небольшую колодезь. Естественно, что у колодезя произошла давка и ссоры, каждый хотел напиться первым.

Слоны, конечно, не отставали от людей и одновременно подошли к колодезю. У маленького было ведро, которое он нес концом хобота. У другого ничего не было. Попонщик из сундука слону знак, или слон действовал по собственному побуждению, но, во всяком случае, большой слон вырвал у маленького ведро и спокойно стал им черпать воду. Маленький как будто не рассердился. Напротив, он стал невозмутимо дожидаться своей очереди и с равнодушным видом отодвинул в сторону, словно все это его не касалось.

Но самолюбие его было задето, его слоновья гордость была оскорблена, и внезапно, когда никто не ожидал, он решил отплатить. Бросившись на своего врага и ударив его изо всей силы головой, он сбросил его в колодезь. Потом испустил воинственный крик и стал радостно плясать вокруг колодезя, где фыркал и барахтался его отомщенный враг.

НО НЕ ТОЛЬКО большие животные мстят своим недругам. Птицы тоже прибегают иногда к очень оригинальным формам мщения.

Воробьи, как известно, ужасные разбойники. Они без зазрения совести селятся в чужих гнездах, если законный владелец недостаточно силен, чтобы их выгнать.

Большой частью они отнимают таким образом гнезда у стрижей.

Раз воробей заберется в гнездо, то выгнать его не легко. Со своим крепким клювом он неопытный противник для стрижа. Некоторые стрижи покорно мирятся с таким положением вещей. Другие же жестоко мстят разбойнику-воробью.

Очевидно, птицы умеют сговариваться друг с другом, потому что иначе эта мсть была бы невозможна. Дело происходит таким образом.

Стриж, у которого воробей отнял гнездо, улетает, но скоро возвращается в сопрово-

ждении многих своих родичей. Воробей забираться глубже в гнездо и только смеется над ними. Выжить они его не могут — он слишком силен и силен. Тогда они придумывают для него страшную мсть — они замуровывают его, предоставляя ему умереть с голоду и, предложив гнездо. Их мсть очень часто им удается — воробей слишком часто уверен бывает в своей силе, чтобы обращать внимание на козни «слабых», «нижнихних* стрижей.

НО НЕ ТОЛЬКО одни стрижи умеют замуровывать. Пчелы улье делают тоже нечто подобное. Случается, что к ним в улей забираться жирный слизняк. Вышвырнуть его и выгнать пчелы не могут, но и не могут допустить, чтобы он остался в улье. Тогда они набрасываются на него, жалят, а потом, медленно умирающего слизняка со всех сторон надувают воском. Он хоронят его заживо в своем улье.

ТО ЖЕ САМОЕ делает и раковина-жемчужница, и каждая красивая жемчужница является в сущности видимым признаком того, что устрица (обитательница раковины) отомстила. Потому что каждая жемчужина есть не что иное, как могила паразита.

Прежде, чем попасть в раковину жемчужницы, эти личинки (паразиты) живут в теле рыб. Но, покидая свое убежище, они опускаются на дно и принакивают в жемчужницу. Если им удастся проникнуть в мускулистую часть жемчужницы — они в безопасности на время. Но если они попадут на чувствительную часть тела устрицы, то песенка их спета.

Жемчужница не может вынести раздражения, производимого паразитом, и сразу же начинает свое мщение — она выделяет особое вещество (перламутр), которым и заволакивает со всех сторон паразита. С течением времени она добывает все новые и новые слои блестящего, сверкающего перламутра, и могила паразита становится драгоценной жемчужиной.

Так разнообразна и остроумна мсть среди животного мира.

Животные — пьяницы.

ПОЧЕМУ то приятно думать, что пьянство свойственно только людям. А между тем, животные так же любят выпить.

Пьяные люди, вообще говоря, совершенно ненужный и бесполезный для разумного применения хлам. Даже больше — они являются безусловной вредной и мешающей в работе.

А между тем, некоторые животные в этом отношении бывают приятным исключением. И даже настолько, что иногда их нарочно подлавливают потому, что в пьяном виде, как это ни странно, они гораздо трудолюбивее, чем в трезвом.

В Польше, напр., еще и сейчас навешивают водку нагнать на алкающих уток, чтобы заставить их выснаживать яйца вместо иссушенных кур. Накававшись с удовольствием выпитогом водкой до того, что выведутся шпалата, они волат их за собой, клочья и суется, как инсека. Конечно, не пришло им в голову по вкусу, из ничем истоща было бы заставить клеветать эти зерна и забывать даже свое горадо пегушиное звание.

Но если в этом случае пегуши все-таки до некоторой степени являются искусственно, то существуют и животные, которые находят удовольствие от выпитогом вина, подаваемые постоянно водкой, до того привыкают к своей роли матери, что даже, когда выведутся шпалата, они волат их за собой, клочья и суется, как инсека. Конечно, не пришло им в голову по вкусу, из ничем истоща было бы заставить клеветать эти зерна и забывать даже свое горадо пегушиное звание.

Особенно интересные результаты дали наблюдения на имя в гор. Бомбей и Индия.

Имакус верте, перелетавшие дух и потону видят в воронах существа, в которых переселились, быть может, души их предков. Благодаря этому, вороны размножаются так в веселых количествах и, чувствуя беззащитность, становятся дерзкими до крайности.

Особенно же дерзость их доходит до крайности в Бомбей и его окрестности. Тут они не только таскают, что плохо лежит, но даже сплунут у ног прохожих, не думая уступить дорогу и вытаска вад из кармана, утром они вытаска так что путешественникам тяжело приходится записаться, чем поплачу.

Но, пресмотревшись к этим воронам, можно заметить очень странное явление: некоторые из них ковыляют по земле, разваливаясь с боку на бок, другие упиваются на бры кража, как на кошты, третьи стоят, прильнувшись к дереву, свесив одно крыло и опустив ушко голову. Иные же суетятся, сорятся, горадят без умолку и ссорятся, смотря как-то выказывая дерзость — словом, сильно выпившие.

И это оказалось действительно так: дерзкие вороны являются пьяным вино.

В пояснение этого надо сказать, что в Бомбей подвешивают из сока кокосовой пальмы особый хмельной напиток, известный под туземным названием «тодди».

Для получения его на верхушке такой пальмы делают надрез, под которыми повисают созревшие из тыквы соуса. Вытекающий из надрезов сок сполнается в этих соусах и, припад в брожение, быстро превращается в вино.

Вот этим напитком и подкармливают бомбейские вороны. Они подхватывают и лако и тыквенным соуса и пьют из них сполнающиеся сок. Сок этот и то чувство опьянения, которое он вызывает, погломному, так им нравится, что они даже и гнезда свои вытаска на таких дерзких. Слово, около этих птиц идет настоящее повальное ворье пьянство...

Еще оригинальнее является увеселение алкающих в аскавских.

Наблюдая за бочками, английский профессор Тетт нашел, что они — зрячие пьяницы. Чтобы проверить это, Тетт начал искусственно опьянять их, кинув несколько капель водки на подоконник. Бочочки попросились к нему, пили ее с жаждой и вскоре упали на подоконник, как мертвые.

То же самое случилось, когда бочочки эти увидели на поле слезки с жемчужным (волокна жемчужных яиц со спиртом). Почувствовав, вероятно, опьяняющий запах алкоголя, они набросились на стаканы и выпили значительную дозу, заснули тут же на месте.

Проведя про такую «пьяную страсть» бочочки, немецкие собиратели коллекций прекрасно пользуются этим. Они намазывают стволы деревьев водкой. Бочочки, ссытаясь на водку, насыщаются на до опьянения, так что тут же покончиваются, оставшись только подбирать «пьяные тела» и выбирать из них тех, которые им нужны.

Жемчужница — мстительница.

АВТОМОБИЛЬ — ПОБЕДИТЕЛЬ

П. ЛОПАТИН, снимок С. КРАСИНСКОГО

17.000.000 АВТОМОБИЛЕЙ

ПОЧЕМУ мы являем такую тему для статьи? Следует ли писать об автомобилях? Ведь они же — роскошь, которая доступна немногим. Стоит ли писать о том, что доступно ограниченной группе людей? Может быть, разумнее было бы дать статью о железной дороге, транспорте, который гораздо ближе знаком всей массе наших читателей.

Этот вопрос, который неизбежно возникнет у многих из наших читателей.

Но, нужно помнить, что, если у нас в Советском Союзе автомобильный транспорт развит еще очень слабо, то в других странах и, главным образом, в Америке, автомобиль идет гораздо быстрее со всеми остальными способами передвижения. И победа в этом соревновании заметно склоняется на сторону торжествующего автомобиля.

Лучше всего нам расскажем об этом цифры. Вот вам слова великих деятелей между автомобилем и паровозом за 1921 год на американском фронте.

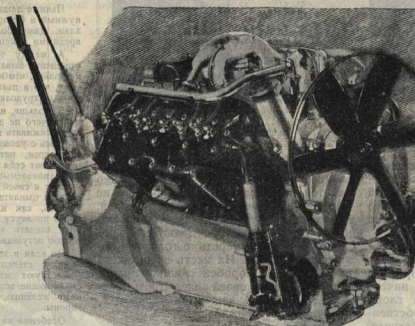
За этот год все американские автомобили (автобусы и т. д.) было продано 7 миллиардов пассажиров, а всего 106 миллиардов человек в течение года ездили в автобусах и на автомобилях. Паровозы проехали расстояние около 500 тысяч верст.

Да оно и неудивительно. Ведь в этот период одного завода Форда в С. Америке в 1921 году вышло около 8.000 автомобилей. Благодаря этому к 1 января 1922 года в Америке насчитывалось около 10 миллионов автомобилей. В Советской России, тот же автомобиль производится на 14.700 человек.

Это значит, что если все автомобили Америки выстроит в ряд, то они составят обоз в 30.000 верст, т. е. больше половины экватора.

К тому же, число автомобилей неудержимо растет каждый год. На 1 января 1928 года на всей земле насчитывалось не более 290.000 автомобилей, а спустя 16 лет, к 1 января 1921 г. это число возросло до 17.000.000, т. е. в 59 раз.

Но вот мы и еще раз слышим. Почему же успехи о военных действиях между тем же автомобилем и лошадью? Ведь, еще так недавно лошади были почти единственным способом передвижения в крупных городах Америки и Европы, и казалось тогда, что не скоро наступит то время, когда лошади отдаст свои позиции какому либо другому виду транспорта.

Прошло каких нибудь два десятка лет, и картина резко перевернулась: в мало-мальски крупных промышленных центрах Америки и Европы лошади как средство передвижения, занимает свои последние годы. Но лучше всего, обратимся опять к цифрам, рисуя нам число лошадей в некоторых американских городах в 1910 и 1920 г. г.

Города:	1910 г.	1920 г.
Нью-Йорк	120.223 шт.	56.539 шт.
Чикаго	4.68112	303388
Филадельфия	100.000	303388
Сент-Луис	50.000	19472

Как видите, число лошадей уменьшилось за последние десятилетия в этих главных американских центрах более чем в 2 раза.

КОГДА КЕРЗОН ГОВОРИТ ПРАВДУ

Что же касается Европы, то и тут цифры говорят все о том же. В Париже, например, в 1913 г. было зарегистрировано 8.300 конных экипажей, которых на 1 августа 1920 г. их осталось всего только 204, т. е. другими словами число лошадей уменьшилось почти в 44 раза.

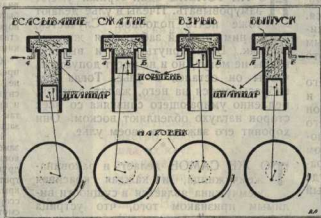
Правда, здесь боковую роль сыграла война, но, все же, на ее долю и в коем случае нельзя отвести всего уменьшения. Причина поражения лошади — в победе торжествующего автомобиля.

Наконец, приведем третью и последнюю сводку. Она будет говорить о роли автомобиля в прошлой империалистической войне 1914—17 гг. Какую роль там сыграл автомобиль?

Наш старый знакомый, лорд Керзон, редко говорит правду. Но на одном из торжественных послевоенных собраний он действительно справедливо назвал франко-английскую армию "армией из автомобилей", и заявил, что именно автомобиль обязал союзники своей победой. И действительно, если бы не было на фронте той четверти миллиона автомобилей, которые были брошены туда, союзные армия не и достигли бы так точно дотыкать вражеского фронта, так стремительно и неожиданно производить атаки.

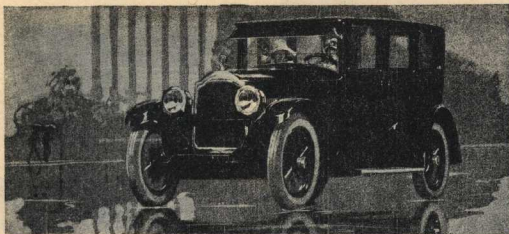
Ведь, достаточно сказать, что за время войны мобилизованным автомобилям на французском фронте было перевезено 35.000.000 солдат и 1.700.000.000 пудов груза. Другими словами, автомобиль заменил своей работой 3.100.000 лошадей, которых в войну или около 40.000 повозок.

Можно было бы без конца приводить победы союзных военных действий между автомобилем и его врагами, но думаем, и этих трех достаточно для того, чтобы понять, что об автомобиле мы надо знать побольше и подробней, потому что автомобиль, это — современный транспорт нашего ближайшего будущего.

ВВЕРХУ — общий вид автомобильного двигателя внутреннего сгорания. **В СЕРЕДИНЕ** — СХЕМА РАБОТЫ ЧЕТЫРЕХТАКТНОГО ДВИГАТЕЛЯ ВНУТРЕННЕГО СГОРАНИЯ: (рис. 1): а) всасывание горючей смеси из карбюратора; б) сжатие ее поршнем, идущим вверх; в) взрыв смеси от закрывающегося клапана и от быстрого движения и падения поршня вниз; **ВНИЗУ СЛЕВА** — УСТРОЙСТВО КЛУСА, который позволяет развить, работающий мотор с переднего на колеса. (рис. 2); **Нижняя часть** — маховик колеса, сидящий на полу двигателя или движущийся по нему; **Т** — сцепление безобитающего с осью, отбрасывающего вперед барабанчик и, насаженный на ось, переключает передачи к колесам. **ВНИЗУ СПРАВА** — Тип легкой и дешевой амортизации, к которой совершенно не применима у американских фермеров желтую сталь.

Современный американский закрытый автомобиль городского типа (сист. «Паккард»)

КАК РАБОТАЕТ «СЕРДЦЕ» АВТОМОБИЛЯ

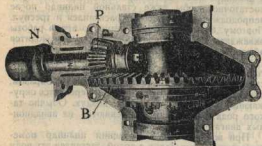
С ЧЕГО же начать описание работы автомобиля? Да, конечно, с «сердца» мотора, который вращает его колеса. Двигатель этот носит название двигателя внутреннего сгорания».

Причина такого названия заключается в том, что автомобильный двигатель сжигает или, вернее, превращает свое топливо внутри самого себя.

Но прежде чем говорить об этом, скажем хотя бы несколько слов о той вещи, которой вращается двигатель автомобиля. Вы, вероятно, же раз сами слышали о том, что в бак автомобиля вливается бензин. А между тем, если вы спросите любого шофера, то он вам скажет, что в автомобильном двигателе сгорает смесь воздуха с бензиновыми парами.

Как же так? Каким образом, а главное — где превращается жидкий бензин в газообразную смесь?

Это интересное превращение, это приготовление «лиш» для автомобильного двигателя, происходит тут же, в самом автомобиле, в особом приборе «карбюратор».

В настоящее время существует множество различных систем этих приборов и поэтому на описание их работы мы останавливаться не будем. Скажем только, что весь смысл его работы состоит в том, что около поверхности бензина, вливаемого в сосуд, с силой пропускают струю воздуха, которая заставляет бензин испаряться. Этого достигнуть довольно просто, потому что бензин обладает свойством легко, без всяких подогревателей, превращаться в пары. Поэтому весь интерес «карбюратора» состоит в том, что в нем совершенно автоматически готовится нужная смесь бензина с воздухом: обычно на 1 часть паров бензина приходится около 15 частей воздуха.

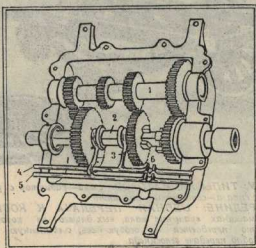
Так или иначе, приготовленная смесь идет в автомобильный двигатель. Что же он из себя представляет?

Приглядитесь повнимательнее к рисунку мотора (на 32 стр. сверху). На нем в самых грубых чертах представляется работа автомобильного «сердца». Оно очень оригинально.

Обычно, привыкая думать, что раз мы имеем дело с каким-нибудь топливом, то, значит, мы должны обязательно увидеть и топку, в которой это топливо сгорает. Так происходит деле в паровой машине, та же обстоит дело и в нашей нече—одним словом, всюду, где только есть какое-либо топливо. А между тем, даже при самом внимательном осмотре автомобильного двигателя вы высокой топке не найдете.

Вы увидите только цилиндр—чугунную трубку, закрытую сверху, но открытую снизу, по которой идет вверх и вниз поршень—тоже чугунный, между делом опорукастый стальной и—ничего больше. Где же происходит сгорание?

Если вы внимательно приглядитесь к рис. 2, то заметите, что цилиндр, кроме своего широкого,

СЛЕВА: ПЕРЕДАЧА ЭНЕРГИИ МОТОРА К КОЛЕСАМ: (рис. 3) N—вертикальный вал двигателя, прошедший через карданный вал, соединяющийся с шестерней В, связанной на оси колеса. Весь механизм заключен в фуэляр.

В СЕРЕДИНЕ: КОРОБКА СКОРОСТЕЙ: (рис. 4) работает за себя система шестерней, соединяющих между собой вал двигателя и тот отрезок вала, который идет непосредственно к передаче на колеса. Изменяя комбинации шестерней, можно получить различные скорости вращения «второго вала».

СПРАВА: СХЕМА СОЕДИНЕНИЯ ПОРШНЕЙ ЧЕТЫРЕХЦИЛИНДРОВОГО ДВИГАТЕЛЯ С КОЛЕНЧАТЫМ ВАЛОМ: (рис. 5) цилиндры работают попеременно через малые два крайних коленца вращаемые, когда крайние коленца вверху смеси. Чертование выношено поперечной дает большую наглядность работы двигателя.

низкого отверстия, имеет еще два небольшие отверстия А и Б, которые могут по желанию то закрываться, то открываться.

ЗАЧЕМ ШОФЕР ВЕРТИТ РУЧКУ?

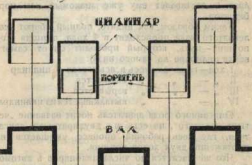
Теперь давайте наглядно, что станет с нашим двигателем во время его работы. Вы сами, конечно, видели, для того, чтобы пустить в ход мотор, шофер поворачивает небольшую ручку, торчащую в передней части автомобиля. Тотчас же вслед за этим в автомобиле начинается какое-то гуление, шофер садится на свое место, что-то нажимает, берет за рулевое колесо и автомобиль двигается. В чем тут дело?

Ручка, которую поворачивает шофер, при помощи или зубчатых колес, или зубчатой цепи (последняя изображена на нашем рисунке) соединяется с так называемым «коленчатым валом», который в свою очередь прикреплен, при помощи шатунов и кривошипов, поршни автомобильных цилиндров. И вот, как только шофер начнет поворачивать свою ручку, поршни в цилиндрах начнут идти вниз. В этот момент автоматический открывается отверстие А и мотор посылает в цилиндр партию при этом «двигатель» происходит смесь не дойдет до своего.

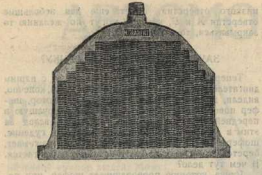
Этим дело не кончится. Шофер продолжает поворачивать свою ручку, поршни продолжают свое движение, и дальнейшее путешествие, как говорит шофер, «идет» работы двигателя,—скатиле.

Как только поршни достигнут своего высшего, поршни, и поршень, или же, как вы видите, он находится в верхней стенке цилиндра.

Эту смесь воздуха с парами бензина надо сжечь. Если бы мы ее сжигали в конце первого такта двигателя, когда поршень был внизу и смесь занимаемая весь цилиндр, тогда она бы сгорала медленно и постепенно, как вообще горит всякое топливо, и от этого горения, кроме ненужного нам тепла, мы ровно ничего не получили бы, и наш

ТИП ГОРОДСКОГО АВТОБУСА: автобус Московского Районного Управления на Кузнецком мосту.

автомобиль остался бы на месте. В автомобильном двигателе нам нужно горение смеси, а воздуха, и вот для этого то мы и скремиваю смесь во время второго такта.

Как только это будет сделано и поршень дойдет до своего самого верхнего положения, в цилиндре проскакивает электрическая искра (откуда она берется—мы скажем ниже). От нее взрывается сжатая в цилиндре смесь и с силой отталкивает поршень вниз. Клапаны во время этого второго такта закрыты, потому что иначе взрывающаяся смесь, вместо того, чтобы толкать поршень, вылетела бы наружу.

Под действием этого удара, поршень отходит к самому нижнему концу цилиндра. Что же дальше? Комнатный вал, который соединяет поршень, в свою очередь вращается, и заставит поршень снова двигаться вверх. В этот момент как раз откроется отверстие В и сгоревшая («трабовавшая») смесь под давлением поршня ухнет наружу.

Все это сиюминутное путешествие поршня совершит шofer тем, что один раз провернет рукоятку.

А один раз начал свое путешествие, поршень в силу все той же инерции коленчатого вала, продолжает двигаться, то вращаясь, то сжимая, то сдвигая ваталкована и вводящая рабочую смесь, которую аккумулят в тот момент готовится и доставляет ему уже знакомый нам корборатор.

Таким образом, как вы видите, полный оборот коленчатого вала происходит за 4 хода поршня (тод поршня—пусть, который проидит от до самого верха цилиндра до самого низа):

1. ход—горячая смесь сжимается в цилиндре

II — — — — — сжимается

III — — — — — взрывается

IV — — — — — выталкивается из цилиндра.

Описанного рода двигатель носит название «стартерного» или «двухтактного» двигателя, где весь рабочий процесс уместается на вращении двух ходов поршня.

Что же касается до числа цилиндров в автомобильном моторе, то обычно оно равно 4, но встречается шесть, восемь и даже двенадцать цилиндров. Как размещаются четыре цилиндра по отношению к коленчатому валу—видно на нашем рисунке (стр. 33 справа).

ОТ МАХОВИКА ДО КОЛЕС

ТЕПЕРЬ пойдем дальше. Попробуем проследить, каким образом работа цилиндров и вращение коленчатого вала передается колесам автомобиля. К сожалению, у нас мало места и обо всем этом мы будем говорить очень кратко.

Итак, нам надо вращение коленчатого вала передать этим колесам автомобиля. Но сделать это таким образом, чтобы в любой нужный момент двигателя мог работать как говорят в «механике», т. е. не вращая колесо. Для этого на коленчатому валу насаживается маховое колесо, в котором сделана коническая выточка, узкой стороной направленная к мотору.

В этой выточке конической выточки, узкой стороной направленной к мотору, вставляется конус барабана. Этот конус своего валика может перемещаться и приближаться к выточке и удаляться от него. Если прижать барабан к выточке, он, вследствие трения между конусом, выточечным в маховике и конем на ободу барабана, будет вращаться как

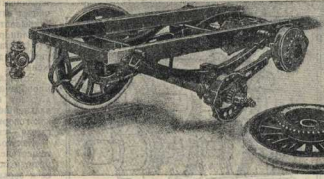
одно целое с маховиком и вращать за собой свой валик и все дальнейшее, сцепление включено. Если отодвинуть барабан от маховика, сцепление выключится, и барабан, а с ним и дальнейший механизм останутся. Во время движения автомобильного конуса должен быть, конечно, включен, включенным его держит особая пружина. Чтобы выключить сцепление, шofer нажимает ногой педаль и отводит конусный барабан от маховика.

Существует и еще целый ряд других способов включения, но об этом мы говорить здесь не будем.

Отправляемся дальше. Ведь мотор работает с определенной скоростью все время, а автомобиль во время хода должен менять свою скорость. Как же достигает этого?

КОРОБКА СКОРОСТЕЙ И ЕЕ НАЗНАЧЕНИЕ.

Для этой цели на автомобиле существует так называемая коробка скоростей, в

ВВЕРХУ: ТИПЫ РАДИАТОРОВ: слева—радиатор с ребристыми трубками; справа—стационарный радиатор.

В СРЕДИНЕ: ЦЕПНАЯ ПЕРЕДАЧА К КОЛЕСАМ: на вращаемых машинах вращение вала, выходящего из коробки скоростей, часто передается на ось, соединенную с колесами цепью, подобно передаче велосипедов.

которой благодаря своему ряду хитроумно расположенных зубчатых колес шofer по своему желанию, орудуя особым рычагом «рулем скорости», может быстро и точно менять скорость движения автомобиля.

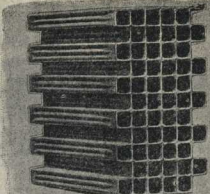
Из «коробки скоростей» выходит уже новый маленький вал. Он вращается с той скоростью, которая нужна шoferу, совершенно независимо от того, какова скорость работы мотора. Механизм автомобиль подчинится воле человека.

Из «коробки скоростей» выходит уже новый маленький вал. Он вращается с той скоростью, которая нужна шoferу, совершенно независимо от того, какова скорость работы мотора. Механизм автомобиль подчинится воле человека.

Теперь остается, собственно говоря, послесловие: передать вращение вала, выходящего из «коробки скоростей» той оси, на которой сидят задние колеса. Но, ведь, вал идет вдоль автомобиль, а конусный ось—поперек. Как же выспросить передачу вращению?

Притворяйтесь внимательно к рис. на стр. 33 слева: N—это самый горизонтальный вал, который выходит из коробки скоростей. Он заканчивается зубчатой шестерней P, которая, вращаясь своими зубами зацепляется за вторую большую зубчатую шестерню B и вращает ее вращать. А эта шестерня сидит на той самой оси, на которой насажены и колеса. Вот, в грубых чертах, как передается работа мотора на задние колеса автомобиля.

Передается механизм «дифференциалом». Но иногда (мы сами это видели нередко) из «коробки скоростей» передается не на конусную ось, а на особую дополнительную, вращение которой уже при помощи цепи передается колесам. Такая цепная передача прекрасно видна на рис. сверху.

МАГНЕТО И РАДИАТОР

ТЕПЕРЬ НАМ остается рассмотреть, как слав сказать о том, каким образом происходит вращение рабочей смеси в цилиндре. В автомобильных моторах это производится исключительно электрической искрой, для получения которой в настоящее время чаще всего применяется так называемый «магнет».

Главную часть магнето составляет катушка (особой формы кусок мягкого железа), с намотанной на ней медной изолированной проволокой. Он производится во вращение тем самым коленчатым валом, который вращается от работы автомобильного мотора. Искра этого помещен между двумя заостренными магнитами и от вращения около них в его обмотке возникает электрический ток (почему—об этом мы скажем подробно в следующих №№), который в нужный момент, пройдя через целый ряд промежуточных приборов, попадает в цилиндры мотора и вращает рабочую смесь.

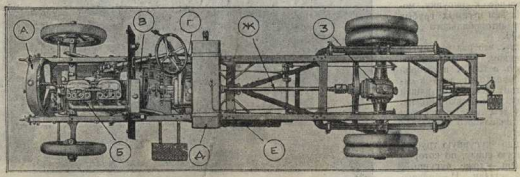
Надо сказать, что от этих выходов температура в цилиндрах поднимается до 1500° Ц. Это вполне достаточно, чтобы даже стальной цилиндр после непродолжительной работы раскалялся и треснул. Поэтому, безусловно, необходимо во время работы охлаждать цилиндры. Эта операция производится обычно при помощи воздуха и воды.

При воздушном охлаждении ограничивается только тем, что стенки, а иногда и головки цилиндра снабжаются ребрами и увеличивая, таким образом, поверхность, через которую тепло передается окружающему воздуху, охлаждают воздух. Обычно такая работа охлаждения применяется на авиационных двигателях.

При водном же охлаждении цилиндр помещается как бы в сосуд с водой, ставится эту воду с течением времени вода сама нагревается и поэтому приходится в свою очередь б е с и р е м в о охлаждать ее. Для этого воду заставляют двигаться с помощью насоса, и «проходить» им через з круглые трубки (см. рис.) с 6 и с 11 (и с 4 ребрами B), или через так называемый «стационарный радиатор».

Он состоит из нескольких трубок, обычно около 5000, тонких мелких волнистых трубок, концы которых выводят квадратные сечения. Все трубки сплюснуты квадратными концами в одно общее целое. Во время работы между трубами радиатора, а в вода трубок все время движется воздух, отнимающий теплоту от воды.

Вот в общих чертах работа автомобиль, который с каждым годом отвоетвляет в сухопутном транспорте одну позицию за другой.

ОБЩИЙ ВИД АВТОМОБИЛЬНОЙ РАМЫ С МОТОРОМ: а) радиатор; б) мотор; в) конус; г) коробка скоростей; д) бензиновый бак; е) глушитель; ж) вал мотора, идущий к шестерням; з) концы передаточного вращающего вала на ось колес.

В сл. № «Смена»

читай очерк «Лампочки Ильича».

) Назначение этих ребер то же и в воздушном охлаждении.

ЧИСТИШЬ ЛИ ТЫ ЗУБЫ?

Доктор П. ЭДЕЛЬНАНТ

ЕСЛИ БЫ кому-либо из комсомольцев предложили, чтоб он только раз в неделю умывал руки и лицо или раз в полгода заходил в баню, он, наверно, с негодованием отверг бы такое предложение, как совершенно недостойное культурного пролетария, который заботится о своей чистоте.

А скажите по правде, ребята, многие ли из вас ежедневно чистят зубы?

Комсомольцы слишком медленно приходят к уверенности в том, что уход за зубами и за полостью рта есть важная составная часть гигиены человеческого тела.

Мы довольно много говорим о физкультуре, занимаемся гимнастическими упражнениями и с различными видами спорта, но уходом за полостью рта пренебрегаем.

Можно сказать с уверенностью, что большинство комсомольцев не знают другого вида лечения зубных болезней, кроме выдергивания болящих зубов.

А, между тем, зубы и ротовая полость—одна из самых важных частей в той машине, которую мы привыкли называть человеческим организмом.

Сейчас мы разясним почему.

Рот—первый отдел пищеварительного канала. А от питания и нормального пищеварения зависит здоровье человека и его работоспособность.

Для того чтобы пища хорошо усваивалась организмом на своем пути по пищеварительному каналу, она должна быть как следует к этому приготовлена. Не должна быть сырой и жесткой, должна быть прожевана на достаточно мелкие куски и основательно смочена слюной.

Вот всю эту подготовительную работу и выполняет человеческий рот, который во время еды превращается в маленькую мельницу. А зубы играют роль мельничных жерновов.

Теперь всякому ясно, как зависит здоровье человека от хорошей работы зубов.

ПРЕЖДЕ, чем говорить об уходе за зубами, давайте рассмотрим, как устроен зуб.

Каждый зуб состоит из нескольких составных частей. Зуб уходит своим корнем далеко вглубь челюсти и крепко сидит в ней.

Главная масса зуба состоит из зубного вещества, которое врачи называют дентином.

Дентин сам по себе не очень твердый, но в той части зуба, которая выдвигается над десной и называется коронкой, дентин покрыт твердой эмалью.

Вот эта эмаль и превращает зубы в то изумительное, усовершенствованное

Помни о зубной щетке!

орудие, которое ничем почти невозможно заменить.

Эмаль, несмотря на свою твердость, очень хрупка и легко ломается, поддается химическому воздействию и т. д. Достаточно выйти на ветер после горячего чая, чтобы зубы от резкой перемены температуры дали маленькие трещины.

А такие трещины — в дальнейшем увеличатся и в итоге неминуемой поломкой зуба.

ЧТО ЖЕ следует понимать под правильным уходом за зубами и полостью рта? Как сделать так, чтобы надолго сохранить у своих зубов пригодность к работе.

При измельчении пищи, в промежутках между зубами, застревают мелкие частицы. Они сперва размягчаются слюной и, когда рот закрыт, имеют температуру почти такую же, как и кровь.

Зубы следует чистить тщательно с обеих сторон

Эти размягченные и нагретые остатки пищи превращаются в превосходную питательную почву для многочисленных бактерий, которые попадают в рот через воздух и вместе с пищей.

А бактерии, угнездившись в этих кусочках пищи, начинают действовать. От этого действия в полости рта выделяется кислота.

Химия учит нас, что кислота хорошо соединяется с известью и растворяет ее. А зубная эмаль содержит в себе значительную дозу извести.

И вот, перед нами картина: неопрятный рот, набитый кусочками пищи, а в них кучи бактерий, выделяющих кислоту. Эта кислота усиленно разъедает эмаль, отнимает от нее известь, потом сами бактерии проникают в размягченную эмаль и окончательно разрушают ее.

Зубы гниют!

Уход за ртом и зубами должен быть направлен к тому, чтобы, с одной стороны—тщательно удалять остатки пищи после еды, а с другой—противодействовать размножению бактерий в полости рта, убивать их.

Для этого у нас есть целый ряд средств. Из них самые лучшие и употребительные: зубные щетки и зубные порошки.

Зубная щетка, это—такой прибор, с которым должен быть основательно знаком (и на практике) каждый рабочий подросток.

Зубную щетку лучше всего приобрести шершавую. Хотя это будет немного дороже, зато пользы будет во много раз больше. Скверные щетки при чистке терзают волосы, которые застревают между зубами и могут привести к поранениям и воспалению десен. Бывали случаи, что такие щетки, проглоченные, вызвали воспаление слепой кишки.

Вот почему, как только твоя зубная щетка от долгого употребления начинает терять волосы, поспеши заменить ее новой.

МНОГИЕ чистят зубы щеткой совершенно неправильно: сомкнув зубы, они просто проводят щеткой по зубам взад и вперед.

Благодаря этому, слизь и прочий падег втискиваются в промежутки между зубами и остается там, а очищается только небольшая часть поверхности зубов.

При правильном же употреблении зубной щетки следует чистить не только наружную поверхность зубов, но и со стороны языка и жевательную поверхность и не только в поперечном, но и в продольном направлении. Тогда очищаются со всех сторон зубы и промежутки между ними

ФИНСКИЙ ХОД В ОДИН ТЕМП; Начало—одни шаг и толчок одновременно обеими палками (первые три положения); справа—конец толчка, скольжение и начало выноса палок.

Затем обе лыжи пропитывают следующим составом: берут 1 ф. льняной олифы и вливают в котел, поставленный на огонь; к нему прибавляют 1 ф. парафина и 1 ф. дегтя (хорошего), 2 ф. простого скипидра и $\frac{1}{2}$ ф. фарфалина. Эту смесь осторожно разогревают и еще горячей покрывают лыжи (кистью). Эту процедуру повторяют до тех пор, пока лыжи окажутся впитывать в себя смель.

Площадка для ног обивается резиной, проделавшей носковый ремень шириной в 3 см. и длиной 27 см.—и лыжи готовы к употреблению.

Палки делаются или из бамбука, или же из простого дерева. На нижний конец одевается железная трубка, во внутреннюю полость которой вбивают стальной наконечник—острие. На высоте 8 см. от низа делаются отверстия; посредством железных стержней и сырцовых ремней прикрепляется камышовый кружок. При ходьбе он должен плоско ложиться на снег и препятствовать погружению палки.

КОСТЮМ ЛЫЖНИКА

КОСТЮМ лыжника—прежде всего отличается своей простотой. Здесь не место ничему, что стесняет тело, мешает свободному движению. Одежда должна быть легкой и хорошо сохранять тепло (не говоря уже о том, что она должна быть совершенно чистой). Самой удобной одеждой будет фуфайка с длинными рукавами (но без шерстяного начеса, т. к. на последнем оседает снег и затем тает); обыкновенные свободные брюки; на голову одевают шерстяную шапку и наушники (при сильном морозе). Шлемы, и тем более шерстяные, не совсем пригодны, т. к. сильно нагревают голову и вместе с тем пропускают в уши ветер. На руки—пару кожаных рукавиц, а в них шерстяные варежки. Перчатки не рекомендуются—мало греют и в них легче натереть мозоли. Самой удобной обувью являются пельсы (для равнинных лыж), которые делаются из целого куска кожи с чирюком спереди. На них одевают две пары шерстяных носок, а под подошву подкладывают хороший слой соломы, который предохраняет подошву от мороза и влажности. Брюки заправляются в пельсы и внизу забинтовываются лентой. При отсутствии пельс можно

пользоваться валенками; Но их недостаток в том, что они сильно впитывают сырость. При пользовании валенками, следует их укреплять к лыже еще пятничным ремнем.

Еще одно маленькое правило, которым следует руководствоваться. После прогулки, тренировки, пробега—следует сделать бегание ватную сорочку (которая обязательно будет мокрая). Не ходите в потной сорочке, не давайте вашим открытым порам впитывать сало и грязь. Это часто приводит к всевозможным наклонностям, нарывам и фурункулам.

ТЕХНИКА ХОДЬБЫ

ТЕХНИКА ходьбы (равнинной) на лыжах распадается на две части: 1) так называемая русская техника, 2) финская техника. Чтобы хорошо ходить на лыжах, следует изучить оба стиля, т. к. во время пробегов часто нужно бывает пользоваться и тем и другим.

Приступая к занятиям, начинающий лыжник проводит первое время в виде прогулки на лыжах через дель в спокойном темпе, наблюдая за правильностью движений.

Начинать свои лыжные занятия следует изучением русской техники. Техника этого способа состоит в попеременном высовывании палок и соответствующих движений ног, напоминающих обыкновенную ходьбу. При выносе правой ноги вперед, палка в левую руку также делает движение вперед и т. д.

Шаги на лыжах делаются небольшие. Все внимание обращается не на длину

ВЕРХУ: РУССКИЙ ХОД «В ПЕРЕКИДКУ»; при выносе одной палки концом вперед в левую руку.

НИЗУ: ФИНСКИЙ ХОД В ДВА ТЕМПА; Начало—два шага и толчок одновременно обеими палками (первые три положения); справа—конец толчка, скольжение и начало выноса палок.

шага, а на скольжение, которое достигается тем, что лыжа не отрывается от снега и тем, что тяжесть тела каждый раз передается вперед на соответствующую ногу вместе с выдвинутыми лыжи. Корпус во время бега несколько наклонен вперед.

Финская техника—более экономная в смысле сил и времени—состоит в одновременном отталкивании обеими палками и подгибании корпуса. Наибольшая работа при этой технике падает на корпус, который наклоняется до горизонтального положения, проносив в этот момент сильный нажим на палки посредством рук и который затем прокатывается вперед между палками соответствующей работой рук.

При финской технике комбинации работы ног бывают в один, два и три шага, в зависимости от индивидуальных способностей лыжника и состояния погоды, снега. Так, при легком снеге, делается один шаг и удар палками, при среднем—два шага и удар и тяжелом—три шага. При работе палок есть важные моменты—это сначала подгибание на руках (сгибание их в локтевых суставах) и затем рывок рук назад (разгибание),—последний и дает лыжнику наибольшее ускорение тогда, как разгибание корпуса и вынос палок вперед являются лишь подготовительными движениями. Рывок палками будет тогда хорош, когда кисти рук пройдут во время толчка возможно ближе к средней части тела, примерно, около пояса. Специальная тренировка зависит от длины дистанции, на которой лыжник специализируется.

В настоящем очерке мы дали ряд конкретных указаний и обоснений. Подробное изучение техники бега достигается или практикой, или же специальной литературой.

ЧИТАЙТЕ КНИГИ О ЛЫЖНОМ СПОРТЕ

Руководство по лыжам. Н. Васильев, Немухин, Гостев, изд-во В. С. Ф. К. Лыжи—Геркани и Кутейников, изд. «Красный Спорт», П. Скалков—Лыжи, изд. «Труд и Книга» МГСПС.

ЧТО НЕ МЕШАЕТ ЗНАТЬ КАЖДОМУ

Как сделать барометр?

КАЖДОМУ ИЗ НАС, и в особенности занимающимся спортом, очень интересно знать, какая завтра будет погода. Когда в состоянии атмосферы (окружающего нас воздуха) происходит перемена к большей или меньшей влажности, мы не сразу чувствуем ее. Мы заметим перемену только тогда, когда она станет уже значительной.

Но существуют в природе тела, которые способны отзываться на всякие, даже очень малые перемены в состоянии атмосферы. К таким телам принадлежат, между прочим, так наз. хлористый кобальт, который, вытравившись в бумагу или ткань, под влиянием влаги изменяет свой цвет. Чем влажнее окружающий его воздух, тем более яркий розовый оттенок приобретает пропитанная его раствором ткань.

Пользуясь качеством этого вещества, которое можно приобрести в любом москательном или аптекарском магазине, всякий может устроить себе простой и очень чувствительный барометр.

Самый простой барометр делается таким образом: приготовьте сами или купите в аптекарском магазине 1 унцию раствора, состоящего из:

- 1 части хлористого кобальта,
- 10 частей желатина,
- 100 частей воды.

Возьмите кусок белой промокательной бумаги и нарисуйте на ней какуюнибудь рожицу. Затем вырежьте из картона квадрат, нарисуйте в середине круг и разделите его на четыре части, как показано на нашем рисунке. В середине круга нарисуйте другой, поменьше, но с таким расчетом, чтобы на нем уместилась ваша рожица и окрасьте его в густой черный цвет. На остальной части круга, оставшейся белой, напишите налево: „облачно“, наверху: „переменно“, направо: „ясно“, а внизу оставьте пустое место.

Когда чернила просохнут, окрасьте часть круга с надписью „облачно“ в розовый цвет, часть круга с надписью „переменно“ — в красный, а с надписью „ясно“ — в голубой.

Когда все это будет готово, возьмите свою рожицу, вырежьте ее, намотайте в

блюде приготовленным раствором, дайте ему равномерно пропитаться им, а затем выньте, дайте стечь и просушите. Когда он высохнет совсем, то приклейте его на зачерненный центр вашего барометра.

Самодельный барометр.

Теперь барометр окончательно готов и будет прекрасно предсказывать погоду, если только не будет висеть слишком близко к печке. Когда воздух делается влажным, что происходит обычно задолго до дождя, рожица ваша станет светлой-розовой. Переменная погода, т.е. склонная то к солнцу, то к дождю — следит ее красноватой. Когда же воздух сух и устанавливается ясная погода, рожица становится голубой.

Мех внутрь или наружу?

ШУБЫ ШЬЮТ МЕХОМ наружу или внутрь, смотря по личному вкусу владельца. Полушубки же шьют всегда мехом внутрь, и интересно было бы установить, какой способ выгоднее, т.е. какая шуба лучше греет: сшитая мехом внутрь, или мехом наружу.

С точки зрения физики, следовало бы отдать предпочтение полушубку с овчиной, обращенной шерстью внутрь. Действительно, рассмотрим вопрос, почему мех греет, или, выражаясь точнее — почему мех является дурным проводником тепла.

Оказывается, это происходит главным образом потому, что воздух, заключенный между волосами меха, дурно проводит тепло и тем замедляет потерю внутренней теплоты нашего тела.

Когда же мех лучше исполняет свое назначение: когда он обращен наружу, к холодному воздуху, или когда обращен внутрь, к нашему телу?

В первом случае воздух, удерживаемый волосами меха, постепенно нагревается нашим телом, но не остается в мехе, а мало по малу вытесняется холодным наружным воздухом. Этот свежий воздух снова нагревается нашим телом, чтобы опять уступить место холодному, и т.д. На такое непрерывное нагревание расходуется много тепла из нашего тела.

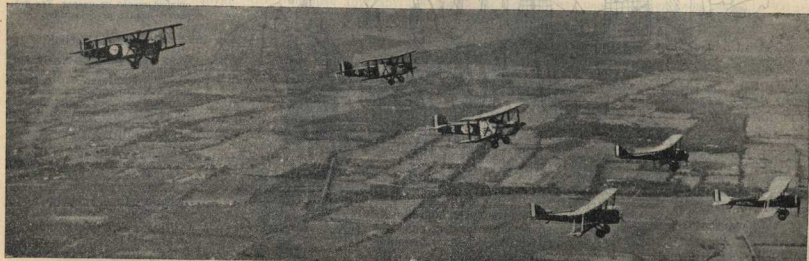
Когда же мех обращен внутрь, воздух в нем, будучи нагрет, не удаляется и не заменяется более холодным. Значит, тепло наше, одетое в шубу мехом наружу, отдает больше тепла на сгоревание воздуха между волосами меха, нежели в шубе мехом внутрь: вторая шуба лучше греет, т.е. теплее первой.

Уход за лыжами

ПЕРВОЕ, что должен сделать лыжник перед тем, как выйти на снег, — это основательно пропитать лыжи дегтем. Делается это для того, чтобы сделать их водоупорными, непроницающими влагу.

Смазка лыж происходит горячим способом. Для этого лыжи разогревают обыкновенной паяльной лампой и на разогретое место наводят деготь кистью или сухой тряпкой. (Деготь должен быть высшего качества, лучше березовый — норвежский). После этого, работая паяльной лампой, заставляя лыжи впитать весь деготь. Эту процедуру повторяют до тех пор, пока лыжи откажутся больше принимать деготь. Тогда их берут и ставят в распорки. Для этого концы попарно сложенных, перевёрнутых трущей поверхностью друг к другу, лыж связывают, а между палочками вставляют прямоугольный брусок дерева шириною 10-20 см. Эти распорки дадут лыжам нужный изгиб и наружку.

Перед входом в здание с прогулки хорошоенько очистите и вытри лыжи от снега и сырости. Не держи их в теплом помещении, около печки. Лучше после каждой прогулки оставить их в распорки. Не ходи по поверхности, где обжана земля, песок, камни — если деготь мягкое, быстро сотрешь поверхность.

Американские летчики Смит, Уэбб и Нельсон, — приближаются к финишу после кругосветного перелета, в сопровождении 3-х аэролазочек поочередно.

ПОДЗАТЫЛЬНИК

ЛИСТОК САТИРЫ и ЮМОРА

БУДЕТ ПОВЯЛЯТЬСЯ НА СТРАНИЦАХ
„СМЕНЫ“ в 1925 году

Рисунок В. СУТЕЕВА

ЖДУТ СВОЕЙ НЕМИ-
НУЕМОЙ ОЧЕРЕДИ.

1. Тот, кто не читает Смену. 2. Насмольский бюрократ. 3. Частный хозяйчик. 4. Поп. 5. Заводский лейтент. 6. Негодный спортсмен. 7. Мастер-держиморда. 8. Кулиган из комсомольцев. 9. Комсомолка, которая пудрится. 10. Нилман. 11. Яркий курильщик. 12. Полит-неграмотный. 13. Замосащенный в очередь, немилосливное существо. 14. Деревенский хулиган.

Пишите о всех достойных, но не удостоенных еще награждением подзатыльника! Подзатыльник „Смены“ выбьет дурь из любой попорченной медной башки.

ПОДЗАТЫЛЬНИК,

будет бить крепко и метко. Попадать будет в точку. Коль придется так уж не промахнется.

ПОДЗАТЫЛЬНИК,

испытанное медицинское средство против комсомольских болачек всех пидов, сортов и стажа (плойные слезоточивы и склоно-слуховы), умеренная и буйная ссадины, хитрое и рыное безобразие, воспламенение слезной кишки политнеграмотности, раздражение хулиганствующих желез обоих ног и головы в шее, и в шее, и в шее, — всех болачек не пересчитаны. „Подзатыльник“ для интересующихся издает специальный алафатный справочник всех комсомольских болачек.

ПОДЗАТЫЛЬНИК,

будет отпущаться с „расчетом“ — кувалдами в первую голову. Будет соблюдаться очередь, — по ошибке никого не ударят. Так что ребята панки не создавайте.

ПОДЗАТЫЛЬНИК,

будет возвращаться тем кто его кустарно, по собственному „разумению“, — применяет. Как-то: старшим мастерам отпущающим подзатыльником младшим подмастерьям... За каждый кустарный подзатыльник — десять научно-проробатанных (по систем ЦИТ).

РЕБЯТА!

Шлите материал, мы его перепалим в крепкий подзатыльник!

Шельмите плохих комсомольцев!

За ушко да на солнышко тащите всех лодырничкоуших на производство!

ВС 1924

УГОЛОК ДЛЯ ТЕХ, КТО СПОТКНУЛСЯ НА 36-й СТРАНИЦЕ

РАЗГАДКА ЗАДАЧ И ГОЛОВОЛОМОК

РАЗГАДКА ЗАДАЧИ О ЧАСАХ

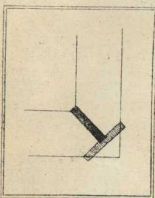
ВОПРОС, очевидно, сводится к тому, чтобы знать точное время по возвращении дома. Для этой цели я заново свои часы и перед уходом заменяю их показание, которое, положим, равно 5 часам.

Приходя к знакомому, немедленно спрашиваю у него о времени, и пусть его часы показывают 7. Перед уходом от знакомого опять заменяю время по его часам, которые на этот раз показывают 9. Придя домой, я немедленно замечаю, что мои часы показывают 7 час. 30 мин. По этим данным легко определить искомое показание часов. Разность 7 ч. 30 м. — 5 ч. = 2 ч. 30 м. показывает время моего отсутствия по дому. Разность 9 ч. — 7 ч. = 2 ч. есть время, проведенное мною у знакомого. Разность 2 ч. 30 м. — 2 ч. = 30 м., показываемая от вычитания оторванного времени от первого, даст время, проведенное мною в дороге. Половина этого времени (30 м. : 2 = 15 м.) употреблена мною на обратную дорогу. Прибавляя эту половину к 9 ч., получим 9 ч. 15 м., которые и будут верным временем при моем возвращении домой.

ВО СКОЛЬКО ВРЕМЕНИ ВЫ СОСЧИТАЕТЕ МИЛЛИАРД?

САМЫЙ простой подсчет даст вам удивительные и неожиданные результаты. Если вы будете производить счет так, как мы вам предлагаем (на каждую цифру вы тратите 1 секунду, а на весь счет — 10 часов в сутки), то для того, чтобы сосчитать миллиард, вам придется просидеть на этом.....76 лет!

ПРОСТЫЙ ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ РОВ

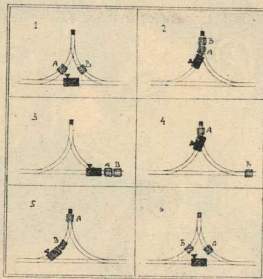
Ступи заглянув на прилагаемый рисунок, чтобы сразу понять, как решается задача.

Нужна ли в мире смерть?

ДУМАЛИ ЛИ ВЫ когда-нибудь, что представлял бы собой наш мир, если бы в нем не было смерти, и все живые существа размножались бы беспрепятственно.

Легко показать, что это привело бы такой мир к самому прискрибному состоянию, какое только можно и вообразить. В каких-нибудь два-три десятилетия вся поверхность суши сплошь зарастет непроходимыми джунглями растений, в которых будет кишеть буквально миллиарды всевозможных животных, яростно

КАК РЕШАЕТСЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ЗАДАЧА

ПАРОВОЗ идет и ставит вагон В в тупик, затем вагон А прижимает к нему (положение 2). Сцепив два вагона, паровоз отходит из тупика от тупика (положение 3). Затем он оставляет вагон В, а вагон А ставит в тупик (положение 4). После этого, он ставит вагон В на прежнем месте вагона А (положение 5). Вагон же А теперь свободно стоит на месте В, а сам возвращается на свое старое место.

КАК ОНИ ПОДЕЛИЛИ ДЕНЬГИ?

ПО УСЛОВИЮ задачи выходят, что все лепешки стоила 24 копейки, так как расход каждого равен 8 копейкам. Отсюда следует, что каждая лепешка стоит 3 копейки. Итак, тот парень, который дал 5 лепешек, издержал 15 копеек и, если вычтет отсюда 8 копеек за лепешки, сданные им самим, выходит, что ему следует получить из денег третьего 7 копеек. Рассуждав точно таким же образом, находим, что второму приходится одна копейка из денег третьего.

В ЧЕМ СЕКРЕТ ПАПИРОСЫ

ДА ДЫМ один и тот же, но из разных видов конючих папиросы нагревший его воздух уносит частички дыма вверх. Воздух же, прохладный вместе с дымом через мундштук, успевает охладиться и не уносится вверх. А так как частички дыма сами по себе тяжелее воздуха, то они и опускаются вниз.

квадратного фута почвы, то и для него вскоре не хватило бы места, если бы смерть не уничтожала его потомства. Вообразим, что оно дает ежегодно всего 50 семян — цифра небольшая, так как многие растения (мак, белена и др.) дают их тысячи и десятки тысяч. Нет ничего легкого, как рассчитать, уже через 9 лет такое растение, сплошь покрывшее 50 миллионов миль поверхности суши. Вот ход вычислений, который каждый может проверить:

Число растений.

Через 1 год.....	1 × 50 = 50
" 2 года.....	50 × 50 = 2500
" 3 " ".....	2500 × 50 = 125000
" 4 " ".....	6250000
" 5 лет.....	312500000
" 6 " ".....	15625000000
" 7 " ".....	781250000000
" 8 " ".....	39062500000000
" 9 " ".....	1953125000000000

Число квадратных футов поверхности земли меньше и равно всего 1.421.798.400.000. Другими словами, менее, чем в девять лет растение сплошь покрывало всю землю, и для дальнейшего размножения физических не будет места. Но многие живые существа размножаются гораздо быстрее, нежели вышедшая для примера растение. Обыкновенная муха в течение одного лета дала бы — не будь в мире смерти — потомство, ни мало, ни много, как в двадцать миллионов. Пауки не уступают мухам в этом отношении: каждый кладет сотни яиц, и в несколько лет пара пауков населила бы землю не меньшим числом потомков, нежели муха, — если бы смерть не уничтожала 99% всех яичек.

Смерть уничтожает ежегодно не менее трех четвертей всех рождающихся птиц. Не будь этого, каждая пара птиц в 15 — 20 лет преприлась бы в тысячи миллионов экз. Пара голубей уже в 7 лет дала бы почти 10 миллионов птиц. Рыбы размножаются не менее быстро, нежели обитатели воздушной стихии. Трекка на третьем году жизни мечет 9.000.000 икринок. Легко рассчитать, что, если бы все икринки развивались беспрепятственно, то в несколько лет треска наполнила бы сплошь моря и сделала бы невозможным мореплавание.

Из наземных существ всего медленнее размножается слон, но и он в 500 лет принес бы потомство в 15.000.000 слонов. Если бы все звери беспрепятственно размножались, то ужасные последствия такого положения вещей сказались бы, конечно, гораздо ранее, нежели чрез столетия в каких-нибудь два-три десятилетия крокодилы наполнили бы все реки. Медведи, тигры, волки стаями ходили бы по нашим городам и деревням, и никакая культура не была бы возможна.

Так беспощадна бывает иногда арифметика.

СОДЕРЖАНИЕ: Второе письмо Рузавкина. Комсомольский писатель — Георгий Шубин — И. МАШВИН-ВЕРОВ. Из комсомольского дневника — Г. ШУБИН. Куда ветер дует — А. ИРГУТОВ. Наш счет — Г. УТКИН. Роза Мелевич — В. ТОЛСТОЙ. Кто виноват в смерти тирокимы — В. КАСИМЕНКО. Кто против Коминтерна молодежи — А. МИЛЬЧАКОВ. О хлесте, ситце и червонце — А. БРЮХАНОВ. Про Ю. ТИВАС. Южкрия — М. ПЛЮШИН. Как комсомолец с немкой подружился — С. ШИТРОЖИН. Когда Ленин болел — ИЛЬЯ ЛИН. Соин комсомолотель — Л. ПОПАТИН. Чистить ли ты зубы — П. ЭДЛЬБАНДТ. Второй круг чтения комсомольца Комсомольская песня. Страница для тех, у кого башка работает. Пришла зима, становится на лыжи — В. ГРОМОВ. Подальше отсюда. Комсомольская песня. Страница для тех, у кого башка худ — В. ДОБРЮКОВСКОГО. Фотографии — Ф. СУЗЬКОВА и С. КРАСНИНСКОГО. Иллюстрации — Я.УЖИНСКОГО, ВЕРШАНДСКОГО, МАЛЬКОВА, СУТЕВВА и др.

Издатель: „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“.

Главный: 32541.

5-я типография „Трапсепчат“ Н. К. П. С., „Пролетарское Слово“, Южный пер., 4.

Редактор: РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

Тираж: 25 000.

ПОДПИСАЛСЯ-ЛИ ТЫ

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВО
ВСЕХ ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫХ
ОТДЕЛЕНИЯХ СССР

НА
ЖУРНАЛ
СМЕНА
В 1925 ГОДУ?

К. Мансуров

СПЕШИ!

АДРЕС ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ:
МОСКВА, Новая площадь, 6.

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ:

На 1 год — 24 ном. — 5 р. 60 к.	На 3 мес. — 6 ном. — 1 р. 55 к.
„ 9 мес. — 18 „ — 4 „ 20 „	„ 1 „ — 2 „ — 60 „
„ 6 „ — 12 „ — 2 „ 95 „	Цена отд. № 30 к.